
1962
ОГОНЁК
№ 1 ЯНВАРЬ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Счастья
и радости вам,
дорогие друзья!



ЗА ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ!

Есть такой старый, чуть-чуть сентиментальный, но удивительно хороший тост — за исполнение желаний.

Четыре десятилетия тому назад в зимние стужные ночи среди голода и разрухи мы мечтали об электростанциях и ста тысячах тракторов на крестьянских полях.

А вдалеке от заснеженной России человек с лицом молодого бульдога смотрел на мир сквозь рюмку с коньяком и, осыпая пеплом сигары навощенный паркет, тоже говорил: «За исполнение желаний!». И виделась ему поверженная большевистская Россия во мгле и полки Антанты, восстанавливающие там старые порядки.

Нас называли мечтателями, но наши желания сбылись.

Через два десятка лет человек с чаплинскими усиками уже мечтал установить у нас не старый, а «новый порядок». И в державе за океаном галантерейщик, ставший впоследствии президентом, потирая руки, говорил за новогодним столом: «Пусть они убивают друг друга как можно больше».

А мы в трудный канун сорок второго знали, что будет победа, и думали о восстановлении турбин Днепрогэса.

Шут, принесший миру трагедию, принял крысиный яд, а наши мечты, наши желания снова сбылись!

В эту новогоднюю ночь мы снова провозглашаем тост: «За исполнение желаний!»

У каждого человека свои мечты — большие и маленькие. Но все они сливаются в единую могучую и непреодолимую волю народа.

Мы читаем деловые и вдохновенные строки новой Программы нашей партии, принятой историческим XXII съездом, и понимаем: это не мечта, это огромная духовная и материальная сила!

И никакие предсказатели на Западе не могут противостоять силе разума и труда!

В нынешнюю новогоднюю ночь мы снова знаем: наши желания исполнятся!

За исполнение желаний!

За победу коммунизма!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 1 (1802)

1 ЯНВАРЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НОВОГОДЬЕ

Олег БОГДАНОВ

Все будет:
встречи, и разлуки,
И телефонные звонки,
И чьи-то маленькие руки
Придут к теплу большой руки...
И что-то людям покорится,
Что не давалось,
хоть убей.
Но ничего не повторится,
Неповторимая,
в тебе.

Ты будто соткана из крыльев,
Моя судьба,
моя заря,
Отчизна вечного порыва,
Вершительница Октября.
Года ступенями уходят,
Восходят к новым берегам...
Я славлю
Солнце
Новогодья,
Шагающее
по снегам!





В СВЕРДЛОВСКЕ И САРАТОВЕ состоялись зональные совещания работников сельского хозяйства.

Удвоить и утроить урожаи, резко повысить производство продуктов животноводства,— к этому призывает партия колхозников и работников совхозов Урала, Средней и Нижней Волги.

В работе совещаний приняли участие член Президиума ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР Г. И. Воронов, член Президиума ЦК КПСС, Председатель Совета Министров Российской Федерации Д. С. Полянский.

На снимке—участники совещания в Свердловске: зоотехник совхоза «Карагайский» М. Фокин, доярка Черновского совхоза А. Антропова, комбайнер Южностепного совхоза Е. Губарь и кукурузовод Полтавского совхоза Н. Свинаренко (Челябинская область).

Фото Л. Пикуса.



На снимке — участники саратовского совещания: чабан совхоза «Ромашковский», Палласовского района, Волгоградской области, Д Жмаков, доярка колхоза «Луч Октября», Новоузенского района, Саратовской области, В. Завадская, главный зоотехник зерносовхоза «Труд», Саратовской области, Ю. Некрасов и тракторист-кукурузовод совхоза «Коленовский», Екатериновского района, Саратовской области, Н. Талалаев.

Фото Е. Соколова (ТАСС).

СИБИРСКИЕ НОВОГОДНИЕ

Казимир ЛИСОВСКИЙ

Ночью кедры богатырские
Удивительно тихи,
Словно слушают сибирские
Новогодние стихи.

Мы не рюмками-бокалами,
(Не бедна моя земля!)
С вами чокнемся Байкалом
мы —
Чашею из хрусталя.

Не статисты немудрящие
В бородах из ваты тут.
К нам Морозы настоящие
В шубах дедовских придут.

Дунут стужей, дунут холодом,
Куржаком оденут лес,
И на елках вспыхнут золотом
Все огни сибирских ГЭС.

Впрямь, не сказка ли, не чудо
ли
Все, что сделано за год?
Полон суриковской удали
Каждый наш рывок вперед.

Нарастает мощь сибирская
Дивной песней торжества...
С Новым годом, сердцу
близкая,
Хоть далекая
Москва!

Новосибирск.





НА НОВЫЕ РУБЕЖИ, ХЛЕБОРОБЫ!

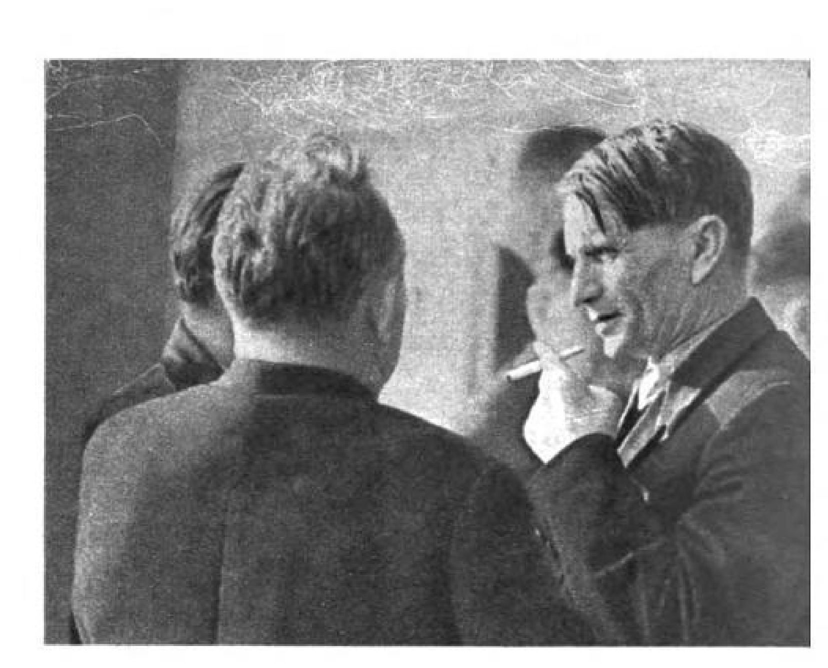
КИЕВ. В столице Украины прошло совещание работников сельского хозяйства Украинской ССР. На заключительном заседании с яркой речью выступил Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев.

Участники совещания дважды Герои Социалистического Труда звеньевая колхоза имени XXII съезда КПСС, Тернопольской области, Е. А. Долинюк и председатель колхоза имени XXI съезда КПСС, Одесской области, М. А. Посмитный.

Герой Социалистического Труда первый секретарь Черновицкого обкома партии А. И. Ботвинов разговаривает с дважды Героем Социалистического Труда кукурузоводом Е. В. Блажевским, звеньевым колхоза имени Горького, Одесской области. (Вверху справа.)

Герой Социалистического Труда академик Т. Д. Лысенко в перерыве между заседаниями беседует с участниками совещания. (Внизу справа.)

Фото Н. Козловского.



Счастливые подруги



Четыре подружки — Кулейша Жайлябаева, Кулейша Батырбекова, Кымбат Оспанова и Даметкен Айтжанова, окончив среднюю школу, пошли работать на строительство Кзыл-Ординского целлюлозно-картонного комбината.

В дни работы XXII съезда КПСС девушки подали заявления о вступлении в партию. Недавно у подруг был большой праздник: им вручили кандидатские карточки, а их бригаде присвоили звание бригады коммунистического труда.

Фото В. Витохина.

Встреча с земляками



Недавно жители Барнаула встречали своего земляка Германа Степановича Титова.

В клубе Меланжевого комбината состоялся митинг в честь героя. Герману Степановичу были вручены памятный адрес, подарки.

Летчик-космонавт рассказал землякам о своем полете.

На снимке: Герман Степанович Титов беседует со студентами Алтайского политехнического института.

Фото Ш. Гуровича.

АПЕЛЬСИНЫ И ТЮЛЬПАНЫ К НОВОМУ ГОДУ

В Калининграде есть чудесный уголок, которого не коснулись ни снег, ни морозы.

В оранжереях областного ботанического сада ветки цитрусовых деревьев украшены цветами и дозревающими плодами.

Два апельсиновых и два лимонных дерева, полученных калининградцами два года назад в подарок от Ботанического сада Академии наук СССР, прекрасно себя чувствуют в саду и сейчас впервые плодоносят.

В отделении субтропиков не только цитрусовые, но и эвкалипты, лавры, молодые финиковые пальмы, олеандры, секвойя, юкка и другие южные растения.

Распустились цветы на камелиях и рододендронах, на белых и розовых азалиях.

К Новому году в оранжереях сада выращено около 2 тысяч нарциссов и тысяча тюльпанов.

Цветет розовая азалия.



Дозревают апельсины.



Цветок амариллиса.

Фото В. Макеенко.



В БОЛЬШОМ КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ СОСТОЯЛОСЬ ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ.

В работе совещания приняли участие товарищи Ф. Р. Козлов, А. Н. Косыгин, А. И. Микоян, М. А. Суслов, Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, Л. Ф. Ильичев, Б. Н. Пономарев, А. Н. Шелепин.

Первый секретарь ЦК КПСС товарищ Н. С. Хрущев, открывая совещание, сказал, что оно созвано Центральным Комитетом партии для обсуждения задач в области идеологии, вытекающих из решений XXII съезда КПСС и новой Программы партии.

С докладом «XXII съезд КПСС и задачи идеологической работы» выступил секретарь Центрального Комитета КПСС товарищ Л. Ф. Ильичев.

ИДЕИ, ВЫРАЖАЮЩИЕ МЫСЛИ МИЛ

НА СНИМКАХ (слева направо):
агитатор Г. М. Торба, тракторист бригады А. В. Гиталова из колхоза имени XX съезда КПСС, Кировоградской области, Л. Я. Нямцу, заведующая библиотекой колхоза «Скынтейя», Молдавской ССР, народный артист СССР М. И. Царев, Н. П. Сухаревская, заведующая отделом школ Кировоградского обко-













Идет совещание. С докладом выступает секретарь Центрального Комитета КПСС товарищ Л. Ф. Ильичев.

Фото Дм. Бальтерманца.

]ИОНОВ ЛЮДЕЙ ТРУДА, ВСЕСИЛЬНЫ!

ма партии, писатель Олесь Гончар, Аймерет Аллаханова, заместитель председателя колхоза по культуре (колхоз имени Коммунизма, Туркменской ССР), С. М. Мусагалиева, заведующая школьным отделом Гурьевского обкома партии Казахской ССР, академик И. И. Артоболевский.









НАМАСТЕ!



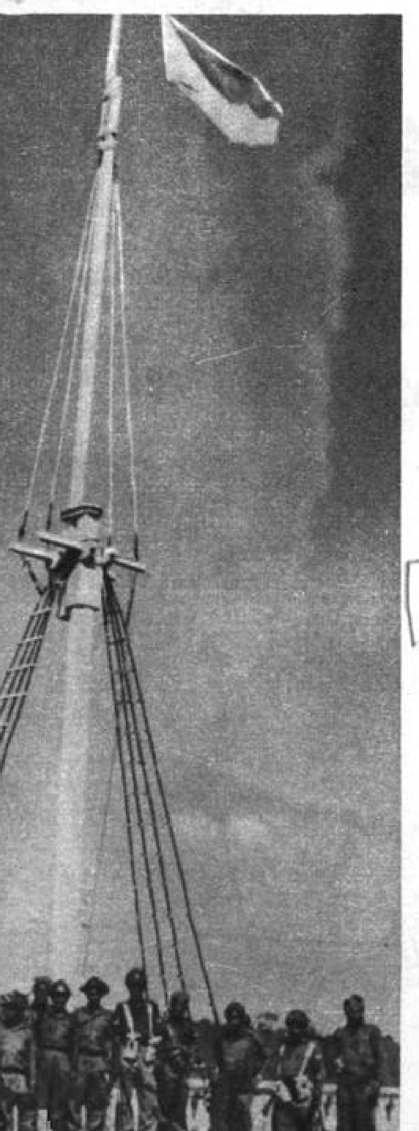
Дели, Бомбей, Калькутта, Мадрас, Джайпур... К этому перечню крупнейших городов Индии можно было бы прибавить целый список мест, поселков, площадей и улиц, где в эти дни раздавалось традиционное приветствие «Намасте!», обращенное к гостю индийского народа — Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу, посетившему страну с государственным визитом.

Сердечный прием, оказанный посланцу Советского Союза в Индии, — еще одно яркое свидетельство крепкой дружбы, соединяющей индийский и советский народы.

На снимке: жители Дели приветствуют Л. И. Брежнева.

ПО БЕЛУ СВЕТУ

Четыре с половиной столетия над индийской территорией Гоа развевался флаг португальских колонизаторов. Чудовищные зверства творились под его сенью. Переполнилась чаша терпения индийского народа. На рубеже нового года колонизаторы были вышвырнуты с индийской земли. Снимок, который мы публикуем, был сделан в первые часы после освобождения Панджима, столицы Гоа. Группа индийских солдат возле флагштока, на котором португальцы подняли белый флаг. Еще одна капитуляция колониализма!

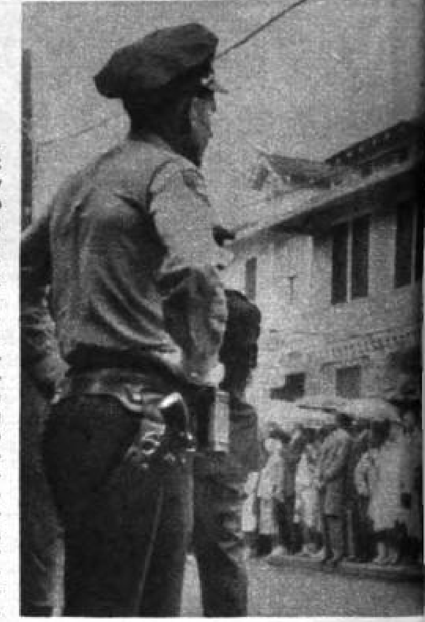




В Катанге по-прежнему неспокойно. Бандиты Чомбе, возглавляемые европейскими наемниками, не унимаются. Что для них решения Совета Безопасности ООН! На снимке, сделанном в Элизабетвиле, изображены солдаты Чомбе, занявшие огневую позицию. Кто этот человек в белой рубашке, инструктирующий катангских сепаратистов? Нам неизвестно. Вероятно, об этом лучше знают в бельгийской компании «Юнион миньер»...

Фото АПН, ЮПИ и Джапан пресс.

«Затишье перед бурей» — так агентство Юнайтед Пресс Интернейшнл назвало эту фотографию, переносящую нас в американский город Батон-Руж, штат Луизиана. Негритянское население, борющееся против расистских порядков, вышло на улицы, чтобы заявить протест в связи с арестом двадцати трех участников «рейса свободы». Демонстрантов встретила полиция, вооруженная бомбами со слезоточивым газом. Видите одну такую бомбу в руке «стража закона»? Прошло несколько минут после того, как корреспондент ЮПИ щелкнул затвором фотоаппарата, и эта бомба вместе с многими другими полетела в толпу людей, собравшуюся на противоположной стороне улицы...



Доллар успокаивает себя

Держатели акций, не волнуйтесь!

Будьте спокойны, директора компаний!

Прочь тревогу, владельцы банковских счетов!

Вам не страшна атомная война. Даже если города Америки будут лежать в развалинах, ваше будущее обеспечено. Даже если многомегатонная бомба попадет прямо в «Ферст нэшнл сити бэнк», ваши капиталовложения не пострадают. Американский еженедельник «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» успокоительно сообщает, что правительство США «продвинулось далеко вперед в разработке планов, чтобы справиться с финансовыми и экономическими проблемами, которые возникли бы в результате ядерной атаки».

Поистине трогательна эта забота об обладателях толстых пакетов акций и ценных бумаг. После атомной войны, информирует журнал своих читателей, в США будет создано специальное государственное учреждение (АВЕК), которое будет рассматривать и удовлетворять претензии пострадавших. «Если человек, например, имел 10 000 долларов в государственных ценных бумагах, которые были уничтожены взрывом, он может войти в АВЕК и заявить о своей претензии...» «Например, вы обладали 10 000 долларов в бумагах канализационной компании нью-йоркского муниципалитета. Даже если Нью-Йорк будет стерт с лица земли, вы можете заявить о своей претензии». И так далее...

Теперь-то, конечно, каждый держатель акций и каждый владелец счета в банке будет спать спокойно по ночам, а проснувшись, будет спокойно читать в газетах о том, что США готовят атомную войну. Чего волноваться, если правительство США гарантирует безопасность капиталу даже в случае атомной катастрофы?

И все было бы хорошо, если бы не одно обстоятельство. Мимо него не смог пройти и сам журнал: «Всеобщая атомная война, по некоторым официальным подсчетам, принесла бы смерть по меньшей мере 60 миллионам американцев — одной трети населения». Но редакторы журнала все-таки хорохорятся: останется-де кое-кто, кому можно будет получить компенсацию за превращенные в атомную пыль акции и облигации.

Идеологическая обработка американцев идет в США вовсю. Их заставляют свыкнуться с мыслью, что атомная война — неизбежность. Но в голову американца невольно, сам собой вползает вопрос: может быть, правительству США нужно поменьше усилий для того, чтобы спасти капиталовложения от атомной угрозы, и побольше усилий, чтобы спасти от этой угрозы мир?

А. СЕРБИН

Диаграмма, помещенная в «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», называется: «Защитить ваши деньги и собственность — до и после ядерной атаки».





В НОЧЬ ПОД РОЖДЕСТВО

Это было «мокрое» рождество. Под моросящим дождем венцы несли по Рингу последние елки. Последние елки, последние прохожие, последние часы, оставшиеся до праздника, когда все добрые католики по обычаю должны простить друг другу обиды и сесть за праздничный стол. Хозяин магазина, который целый год заставлял своих служащих гнуть спину сверхурочно, преподнесет им небольшой трогательный подарок. Фабрикант, наживший в этом году еще несколько миллионов шиллингов, пожертвует рабочим несколько сот шиллингов «на музыку». За одним праздничным столом могут оказаться лидеры буржуазной партии и лидеры социал-демократической «оппозиции».

На Ринге моросит дождь. Мимо красивого здания парламента, перед которым гордо высится фигура Афины Паллады в позолоченном шлеме, скользят последние машины. В них едут в гости и на торжественные вечера добротно одетые, самоуверенные господа. И, конечно, им нет никакого дела до пятерых промокших людей, понуро стоящих на тротуаре около парламента. Это семья Бартл. На груди у отца небольшая дощечка с надписью: «Веселого Рождества! Бездомный с тремя детьми».

Подошел полицейский и вежливо сообщил Бартлу, что заседание парламента окончилось несколько дней тому назад. Ушел. Восьмилетний Карл, в промокшей курточке, без шапки, весь посинел. С глубоко засунутыми в карманы руками, он был похож на маленького, выпавшего из гнезда воробышка. Но Карл держался, как мужчина. А полуторагодовалый Фреди еще не умел терпеливо переносить холод. Он громко заплакал.

Откуда-то появился чиновник криминальной полиции. Выяснив, в чем дело, он предложил бездомным переночевать в... полицейской тюрьме. «Детям не место в тюрьме, — тихо сказала мать, — тем более сегодня, во Христов день». Чиновник возмутился и ушел.

В богатых особняках зажигались яркие, праздничные огни. Там звучал смех, дети получали дорогие подарки, из кухни доносился запах традиционного жареного гуся. До сочельника оставался один час. На улице уже не видно прохожих. Идет дождь...

Вот показался какой-то оборванный инвалид. По случаю праздника он был под хмельком и что-то беззаботно напевал. Увидев озябших детей, инвалид остановился. Веселье и хмель сразу вылетели из головы. Постояв немного, он хотел пойти дальше, но не мог. Опять вернулся и смущенно сказал отцу: «Слушай, друг. У меня у самого маленькая комнатушка. Все же на кухне, пожалуй, найдется место. Пошли».

Жена бедняка-инвалида не слишком обрадовалась гостям. Освобождая на крохотной кухне место, чтобы постелить матрац, она горько подумала: «Вот и мой рождественский подарок от мужа». Но, услыхав всхлипывание ребенка, женщина застыдилась. Поделив на всех половину черного хлеба и кусок сыра, бедняки наскоро закусили и улеглись спать на полу. Карлу снилась нарядная елка...

А белоснежный парламент на Ринге с богиней Афиной перед колоннадой стоял теперь в полном одиночестве, олицетворяя справедливость и демократию для всех.

«Веселого Рождества! Бездомный с тремя детьми».



В Токио с огромным успехом прошел фестиваль, организованный движением «Поющие голоса Японии». В нем приняли участие тридцать тысяч человек, приехавших из разных уголков страны. Участники фестиваля заявили о своей решимости бороться против японо-американского «договора безопасности», за превращение Японии в страну мира.

→







«Вернуть войска с Новой Гвинеи». Полиции не удалось установить, кто написал эти слова на улице Амстердама. Хотя имена людей неизвестны, ясно одно: надпись сделали патриоты, те, кто не хочет, чтобы войска голландских колонизаторов оставались в Западном Ириане, на принадлежащей Индонезии части острова Новая Гвинея. Сегодня, когда во всем мире рушатся один за другим бастионы колониализма, бьет последний час и для заморских хозяев Западного Ириана.

Фото Г. Долматовской.

В Англии сейчас очень модны песенки «Леди Джейн» и «Эта ночь — для любви». Они написаны... в тюрьме.

Автор — Арнольд Мюррей — был владельцем небольшого бара. Так как дела шли неважно, он время от времени пробавлялся кражами. В результате — суд и приговор: три года тюрьмы.

Там-то Арнольд Мюррей, камера 232, и написал оперетту, о которой прослышал один из английских издателей. «Композитор-арестант? Мелодии, созданные в тюрьме? Верное дело!»

И вот были записаны и пущены в продажу пластинки. Расчет оказался правильным. Шумный успех!

Арнольд Мюррей отбыл наказание и покинул тюрьму. Он собирается основательно заняться музыкой. Но теперь он уже просто композитор. А этого для рекламы явно недостаточно...

→





На юге Италии накануне Нового года произошло совершенно необычное событие: выпал снег. На снимке вы видите набережную города Бари.

Необычно выглядели перед Новым годом и улицы американского города Джексона, штат Миссисипи. Они были затоплены. Сильнейшее наводнение парализовало юго-восточную часть города.

Зато в Ницце предновогодние дни были обычными. Яркое солнце, теплое море. Местному деду-морозу, вероятно, было даже жарко: его традиционный костюм мало соответствует здешнему климату, чего нельзя сказать о «снегурочке»...





ЦЕЛИНА РАЗБУЖЕННАЯ

Сергей СМИРНОВ

Трудная земля

Так земля целинная упруга,
Что за сутки,
даже без помех,
Об нее
Стирается у плуга
Златоустом кованный лемех.

Потому-то и казаться стало,
Что просторы бывшей целины
Горячи
от стертого металла,
От людского пота
Солоны.

Красивая юность

В городском саду Целинограда
Возведен прекрасный монумент,
Подойдешь — и лишних слов
не надо,
О словах забудешь на момент.

Из бетона вылеплены грубо
Юный он
и юная она.
У него упрямо сжаты губы,
У нее улыбка чуть видна.

Он поправил варежкой ушанку
И вперед стремится налегке.
Рядом с ним
подружка-поселянка
В жесткой шубе, в ласковом
платке.
Ветер им распахивает полы,
Солью снега хлещет целина.
Но шагают с вызовом веселым,
Юный он
и юная она.

Путь-дорога выбрана по силам.
На ходу слились плечо с плечом.
Вот таким,
воистину красивым,
Никакие бури нипочем.

Матери героя

Во степи, не знающей предела,
Где сегодня зябь черным-черна,
Есть хозяйство имени Гастелло,
Или просто — фабрика зерна.

Там стоят парадные ворота,
А на них, раскинув два крыла,
Серебрится облик самолета,
В честь героя, русского орла.

Он погиб за праведное дело.
Но еще жива старушка мать,
И хозяйство имени Гастелло
Скоро будет
гостью принимать.

В честь ее распахано кочевье,
Новостройки выстроились в ряд,
Бьют в ладоши первые деревья,
И цветы с цветами говорят.

В честь ее желанного визита —
Пусть сне увидит мать сама! —
Урожай, пропущенный сквозь
сита,
Полновесно
ссыпан в закрома.

Мать увидит сельскую картину,
Но и здесь почувствует она,
Что живет
бессмертный подвиг сына
В жарких буднях
Фабрики зерна.

Будет встреча.
Будет час вечерний.
Будет в клубе тесно, как в избе...

...С нежностью
сыновней и дочерней
Ждут тебя гастелловцы к себе.

Гагаринцы

По-хозяйски в степь явились
люди.
Целина нетронутой была.
От сельскохозяйственных
орудий
Веяло запасами тепла.

Шел апрель просторами
степными.
Наступала вешняя страда.
И впервые
мир услышал имя
Юрия Гагарина тогда.

Тут поднялся парень — грудь
горою —
И категорично произнес:
— Предлагаю
именем героя
Окрестить целинный наш совхоз!

А другой, глаза от солнца щуря,
Сел за руль с улыбкой молодой
И бразду в космической лазури
Подкрепил
целинной бороздой.

Солдат партии

Директору совхоза имени XXI съезда КПСС Г. И. Власенко.

Уйма звезд
трассировала за ночь.
Солнце обогнуло шар земной.

Власенко, Григорий свет Иваныч,
Прочитай написанное мной.

В дальний край, по имени
Целинный,
Где ковыль похож на облака,
Прилетел посланец Украины
По призыву нашего ЦК.

Поселился временно в палатке,
В двух шагах от первого кола,
Присмотрелся к людям:
— Все в порядке!
И, не медля, взялся за дела.

Ой, как трудно в стихотворном
слове
Уместить недавние года
С буйством климатических
условий,
С пехотинской поступью труда!

Тут спецовки, жесткие от соли,
Первый выход в поле со двора,
Смех и слезы, раны и мозоли,
Награжденья и выговора́.

Тут заботы о хлебах и розах,
О приросте птицы и скота...

И растет,
растет букет совхозов,
Чтобы вся земля была сыта.

...Вот опять,
где байские руины
Спят, за все по счету заплатив,
Разместил посланец Украины
Свой разноплеменный коллектив.

Парни — бородатые ребята.
Девушки — целинный маков цвет.
День труда — с восхода до заката,
А праздношатающихся нет.

Не Суворов, строгий и бессонный,
Объезжает войско тут и там,
Нет,
директор собственной персоной
Ходит по строительным фронтам.

Он и мне, как это было надо,
Показал хозяйственный размах —
От бетонной чаши зерносклада
До уюта в каменных домах,

От Дворца культуры до палатки,
От двора сельхозинвентаря
До больницы, школы,
детплощадки
И столовой, светлой, как заря.

А потом достал по чарке где-то
И, деликатесов не ища,
Угостил московского поэта
Миской украинского борща...

За окном лежали горы хлеба,
Простиралось море целины.
Ночь
свое безоблачное небо
Награждала орденом луны.

Я смотрел в безбрежие ночное,
Провожал огни грузовика.
И вставал,
вставал передо мною
Мастер — лет примерно сорока.

У него директорское место
И простой, полупоходный быт.
Иногда его
начальник треста
Пухлыми приказами бомбит.

Иногда придирка ревизора
Портит планы эти или те.
Но боец не опускает взора,
Убежденный
в высшей правоте.

С ним в ладу поэзия и проза.
Он железом нервы пропитал.
И рожденье нового совхоза —
Вот его
партийный капитал.

В порядке самокритики

Не мешает высказаться вкратце
По вопросу
о рабочем дне.
Он, конечно, будет сокращаться
В шахте, в цехе и на целине.

Но поэтов радует не очень
Самоличный творческий режим:
Мы, признаться,
днем своим рабочим
Не ахти как шибко дорожим.

Кое-кто покоится на лаврах,
Кое-кто
скандально модным стал,
И его, в разряде богоравных,
Волокут на скользкий пьедестал.

А Россия трудится по-русски,
Подымает недра на дыбы
И масштабом собственной
нагрузки
Укоряет
баловней судьбы.

Целинному краю

Мы тебя зовем
Целинным краем,
Но в единоборстве с целиной
Не без оснований повторяем,
Что
ничто не вечно под луной.

Вот разбудим все твои угодья,
Где царит ковыльная тоска,
И начнем
при всяческой погоде
Собирать наш хлеб до колоска.

А вокруг —
сады, лесные пущи,
Все дома твои заселены!..
Как же будешь зваться ты в
грядущем,
Если тут
не будет целины?

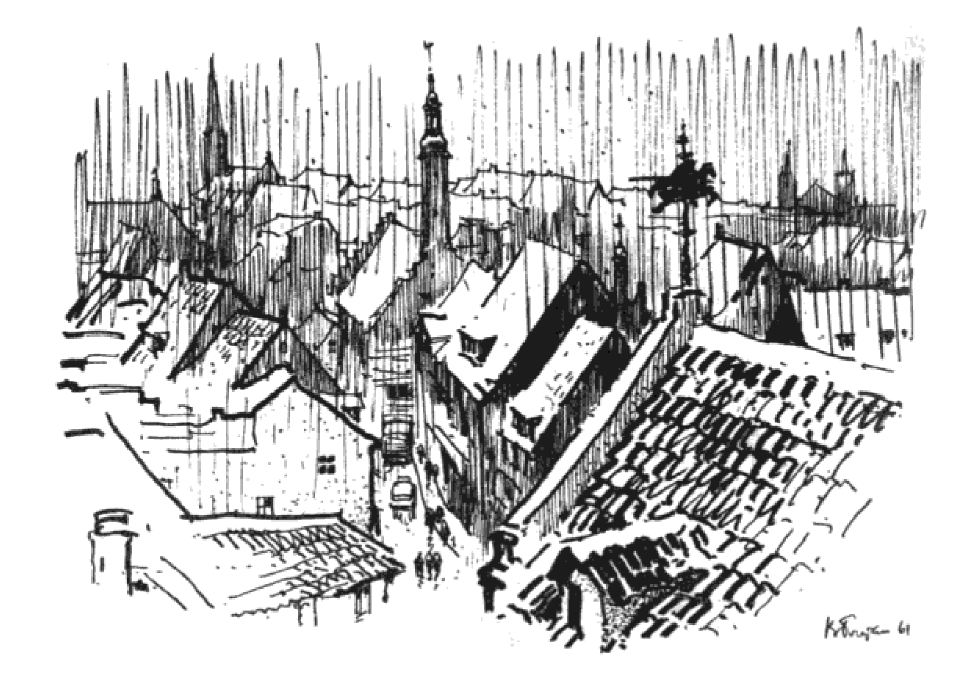
М. Антончик, Д. Шостак (Киев). ЗЕМЛЯКИ Т. Г. ШЕВЧЕНКО, КОЛХОЗНИКИ СЕЛА МОРИНЦЫ. Всесоюзная художественная выставка. 1961 год.

Ю. Вилюмайнис (Рига) СОСНЫ АГЕНСКАЛНА ЗИМОЙ. Всесоюзная художественная выставка. 1961 год.



М. Кирсанов. ЗИМА.

Всадник, скачущий над городом



Юрий ЯКОВЛЕВ

Рассказ

Рисунки В. БОГАТКИНА.

Завтра об этом случае заговорит весь город. А сегодня о нем знают лишь несколько любопытных прохожих, пожарные добровольной дружины и четвертое отделение милиции. Но даже им неизвестно, ради чего Киру решился на такой отчаянный поступок.

Поздней осенью город похож на корабль, выходящий в открытое море. Сырой туман обволакивает дома. Мостовая мокрая, как палуба, по которой только что прокатился соленый морской вал. Провода поют, как снасти. И Киру кажется, что город даже слегка покачивает.

Киру поднимает голову. Он видит, как обрывки серых облаков быстро проносятся над самыми крышами. А может быть, они-то как раз и неподвижны, а это город торопливо плывет в открытое море.

Киру смотрит на шпили — чем не мачты! — на антенны, на трубы и на флюгера.

В городе много флюгеров. В былые времена город моряков внимательно следил за сигналами своих железных помощников: флюгера первыми приносили весть о попутном ветре. Теперь на флюгера никто не обращает внимания. Но их не предупредили, что они больше не нужны людям, и флюгера продолжают нести свою трудную службу. Там, высоко над городом, между небом и землей, скрипя ржавыми петлями, они тяжело поворачиваются на своих штырях. Как живые существа, они разговаривают с ветром и дождем, а первые снежинки, прежде чем опуститься на землю, тихо шуршат рядом с ними.

Случается, что у одного из городских флюгеров так крепко заклинит ржавые петли, что он уже не может пошевельнуться. Флюгер погибает, как боец, на посту. Люди же не замечают смерти старого флюгера. Стоит на крыше — и ладно.

Киру и его друзья идут по городу и рассматривают флюгера. И кто-то кричит:

— Смотрите, рыба из моря на крышу прыгнула!

Все задирают головы. Все смотрят на рыбу.

— Подумаешь — рыба! А ты видел флюгер-русалку?

— А я знаю трех петухов.

— Петухи — ерунда!

— Петухи приносят счастье!

— Ничего подобного! Они берегут дом от пожара.

— Бабушкины сказки.

Киру идет молча. Он не принимает участия в этом беспорядочном споре. С некоторых пор он стал молчаливым. Особенно если рядом Айна.

Ему кажется, что Айна появилась совсем недавно. Приехала издалека и пришла в класс, как новенькая. На самом деле Айна ниоткуда не приезжала. А учится в одном классе с Киру уже пять лет. С третьего класса. Может быть, «старую» Айну подменили?

В «новой» Айне его интересует все. Он знает, что Айна худенькая, стройная. Как тростинка. И что волосы у нее не золотые и не желтые — соломенные. И хотя глаза у девочки так глубоко посажены, что сразу не определишь их цвет, Киру знает: они зеленые. Осенью Айна носит серое пальто с черными черточками. А шапка на ней красная.

Сейчас Айна идет со всеми, неподалеку от Киру, и внимательно следит за спором о флюгерах. И ее вздернутый носик сам, как флюгер, поворачивается от одного спорщика к другому. Она ждет, когда ребята все выговорят, и только тогда вступает в разговор.

— А я знаю дом, на котором флюгер не петух, не рыба, не стрела,— говорит Айна, исподволь посматривая, какое впечатление произведет ее рассказ на ребят.— Это какое-то странное существо. Он очень высоко, поэтому не разберешь.

— Где этот дом?

— Показать?

— Покажи.

— Пошли!

И вся компания сворачивает за Айной в переулок.

Киру тоже сворачивает в переулок. Он вообще ходит за Айной, как тень. А она, как на тень, не обращает на него внимания. Потому что Киру никто не подменил, и он для Айны все тот же, что был пять лет назад.

Обычно, когда Айна возвращается домой, Киру идет за ней. От Айны его отделяют каких-нибудь десять шагов. Но эти десять шагов стоят десяти километров. Десять километров Киру прошел бы запросто, а десяток шагов никак не может преодолеть. Он идет по улице, никого не замечая. Он видит только серое пальто с черными черточками и красную шапочку.

Айна знает, что Киру идет за ней. Ее это злит. Что за глупый парень! Если бы он шел рядом, можно было бы с ним поболтать. А так получается, что он выслеживает ее. Айна неожиданно останавливается и резко поворачивается. Тогда Киру, застигнутый врасплох, тоже останавливается и опускает глаза. Он смотрит себе под ноги. А когда снова поднимает глаза, Айна уже далеко. Иногда она совсем убегает, и Киру остается один.

Сейчас кругом ребята, и Киру чувствует себя уверенней. Его робость перед Айной не так заметна. Правда, ему все время кажется, что Айна относится ко всем лучше, чем к нему. Хотя только он один готов сделать для Айны что угодно.

— Далеко еще? — спрашивает кто-то из ребят Айну.

— А ты уже устал? — откликается девочка.— Свернем за угол, а там рядом.

Киру никогда бы не осмелился спросить Айну, «далеко или нет». Он может идти за ней хоть на край света. И он завидует друзьям, которые могут тянуть Айну за руку, спорить с ней и задавать ей вопросы.

Когда ребята подошли к дому с загадочным флюгером, повалил снег. Не белый морозный снег, а серый, вперемешку с дождем. Ребята подняли воротники. Айна поглубже натянула красную шапочку: только нос выглядывает. Киру поежился, но воротник поднимать не стал. Он решил, что с опущенным воротником у него более мужественный вид. Но о каком мужественном виде могла идти речь, если Киру худой и узкоплечий! Подбородок у него заострен, а нос маленький и ровный. Брови и ресницы такие белесые, будто их подпалили, и мальчик остался совсем безбровым. Руки у Киру белые, без мозолей. А на носу у него очки.

— Вот таинственный флюгер,— сказала Айна,— смотрите.

Вся компания задрала головы. Ребята увидели высокую черепичную крышу. Черепица похожа на красные перышки, а вся крыша — на большое алое крыло. На самом краю конька возвышался штырь. На нем был флюгер. Даже с земли видно, что этот флюгер не четa своим собратьям. В его формах было что-то стремительное и непонятное. Что хотел изобразить древний флюгерных дел мастер? Серый снег мешал ребятам разглядеть загадочный флюгер.

— Да это петух! — воскликнул кто-то из друзей Киру.

Одного слова было достаточно, чтобы вспыхнул спор.

— Петух? Ты, наверное, никогда петухов не видал. Хорош петух, без хвоста!

— Откуда ты взял, что без хвоста? Надо быть слепым, чтобы не видеть хвоста.

— Киру, ты в очках, ты должен видеть лучше всех. Скажи, есть хвост или нету?

Краска ударила в лицо Киру. Ему показалось, что, напоминая об очках, товарищ хотел уронить его в глазах Айны. Он покосился на Айну, ожидая прочесть в ее глазах насмешку. Но Айна даже не повернулась в его сторону.

Тогда Киру успокоился и стал тоже рассматривать железное существо, которое взмыло над городом и завело дружбу с вет-

ром. Киру прищурил глаза. Он напрягал их. Есть у флюгера хвост или нет? Ребята ждали ответа. Но что мог им сказать Киру? Мокрые снежинки падали на очки, и стекла становились мутными. Сквозь них ничего невозможно было разглядеть на земле, не то что в небе.

— Ничего не вижу,— признался Киру.

— Эх ты, «не вижу»! — передразнила его Айна и уничтожающим взглядом смерила мальчика.

Не говоря ни слова, Киру повернулся и побрел куда глаза глядят.

Долго ходил он по городу, одинокий и потерянный. Холодный влажный ветер пронизывал его, а снежинки норовили непременно попасть за шиворот. Киру поднял воротник. Теперь ему уже было все равно.

Наконец он снова попал на улицу, по которой шел за Айной. Он остановился перед домом с таинственным флюгером. Ребят уже не было. Неизвестно, чем кончился их спор. Так или иначе они давно разошлись по домам. Киру потоптался на месте. Он задрал голову и мучительно стал вглядываться в мутную высь. Он протирал стекла очков, закрывал глаза и снова открывал их. Вот если бы завтра, придя в школу, он смог бы рассказать Айне о странном флюгере! Какой-то горячий огонек вспыхнул в мальчике. Он разгорался все сильней, наполняя сердце решимостью. Невозможное стало казаться вполне осуществимым. Еще полностью не отдавая себе отчета, что он собирается делать, Киру медленно направился к подъезду дома с флюгером.

На лестнице стоял полумрак: лампочки еще не зажгли, а хмурый день давал мало света. Киру стал подниматься. Он шел мимо квартир с кнопками звонков, с ящиками для писем и газет, с почти невидимыми номерками. Он спешил, словно боялся, что огонек, двигающий сейчас его поступками, может погаснуть.

Дверь на чердак оказалась открытой. Киру подошел к слуховому окну и выглянул наружу. Ветер дохнул ему в лицо холодной сыростью. Снежинка зацепилась за его ресницы и тут же растаяла. Мальчик смотрел в окно и видел одни крыши. Они расходились во все стороны, как тяжелые, застывшие волны, и вдалеке сливались с мутным морским небом.

Киру увидел сразу десятки флюгеров. Как стрелки компаса, они смотрели в одну сторону. Киру почудилось, что все флюгера города нацелили свои клювы и стрелы на него и ждут, что он будет делать дальше.

Мальчик высунулся до пояса и посмотрел на крышу. Вблизи дольки черепицы уже не были похожи на легкие перышки. Тяжелые, горбатые, кое-где пробитые градом, они напоминали панцирь окаменевшего чудовища. А флюгера не было видно. Он был скрыт за высокими трубами.

На мгновение Киру охватила робость. Но свистящий упругий ветер, казалось, донес до него голос холодной, равнодушной Айны. Этот голос шепнул: «Иди!» И страх еще ниже упасть в глазах Айны оказался сильнее страха упасть с высокой, скользкой крыши.

Киру вылез из тесного слухового окна и, цепко хватаясь за выступы, стал карабкаться по крыше. Холодная черепица обжигала руки. Ноги скользили. Но Киру медленно продвигался вперед. Он не оглядывался и старался не думать о высоте. По крутой каменной горе он лез к перевалу — к коньку крыши. Он не думал о том, каким будет его обратный путь. Он смотрел вперед.

Так Киру добрался до цели.

Вот он, таинственный флюгер, которого никто не мог разглядеть с земли. Никакой это не петух! Это конь и всадник. С земли флюгер казался маленьким и летучим. Вблизи он был большим и грузным. От времени он покрылся шершавой ржавчиной, а дымящие трубы измазали его жирной сажей. Дул сильный ветер, и конь с пронзительным скрипом шарахался то влево, то вправо.

Киру сидел верхом на гребне крыши и внимательно следил за конем и всадником. В это время ветер ударил с новой силой. Конь мелко задрожал. Киру подумал, что сейчас конь сделает отчаянный прыжок и помчится со своим всадником по черепичным крышам города. Вот здорово!

Ветер ревел все сильнее. Низкие облака мчались над самой головой. Но Киру не было страшно. Его сердце пело. Все старые флюгера сорвались со своих насестов и летели над городом. Плыли рыбы, били крыльями петухи, на ветру развевались волосы русалок. Они спешили в сторону моря. И железный конь скакал туда же. И Киру почувствовал себя всадником, скачущим над городом вместе с взбунтовавшимися флюгерами.



Ветер раскачивал черный штырь флюгера. Все вокруг гудело, скрипело, гнулось. Ветер мешал дышать. И Киру отвернулся, чтобы набрать воздуха, и взгляд его упал на крышу. Он заметил, что крупная чешуя черепицы стала блестящей, покрылась прозрачным леденцом. Мальчик попробовал опереться ногой на выступ — нога соскользнула. Он еле удержал равновесие. Тогда вместо того, чтобы возвращаться к слуховому окну, мальчик еще ближе подвинулся к железному коню и обхватил штырь руками. Он прижался к нему, и от этого скрип петель стал еще громче и пронзительней.

Киру закрыл глаза и стал ждать. Руки его коченели, а все тело на ледяном ветру утрачивало гибкость...

* * *

Постовой милиционер поднял голову и увидел маленькую фигурку на высокой черепичной крыше. Может быть, это трубочист колдует над трубой или монтер исправляет антенну? Постовой сделал еще несколько шагов и снова посмотрел наверх. Фигурка лепилась у самого края конька крыши. Дальше шел обрыв.

Постовой перешел на другую сторону и стал внимательно следить за фигуркой. Как это человек забрался туда в такой гололед? И почему он не шевелится? И как он оттуда слезет?

Некоторое время милиционер раздумывал, что предпринять. Потом он торопливыми шагами направился к телефону.

Пожарная машина прибыла через пять минут. Она промчалась по городу, тревожная, ревущая, красная, будто охваченная пламенем.

Возле дома с флюгером машина резко затормозила. С подножки соскочил лейтенант, а к нему уже спешил постовой.

— Ну, где ваш альпинист? — спросил лейтенант.

Он был недоволен, что его дружину потревожили по такому непожарному делу.

— Вон, у флюгера,— сказал постовой и кивнул в сторону крыши.

Лейтенант ничего не сказал милиционеру, а быстро отдал распоряжения. Заработал мотор, и пожарная лестница начала медленно подниматься. Она была похожа на ствол огромной зенитной пушки перед выстрелом. Встав почти на дыбы, лестница начала вытягиваться. Она росла все выше и выше. Не останови ее — и она дотянется до луны. Но когда ее край коснулся крыши, лестница перестала расти. Тогда по ней стал взбираться молодой парень в брезентовой одежде и зеленой каске. Пожарный взбирался так ловко, что прохожие диву давались. Наконец он достиг карниза.

Он увидел мальчика, обнявшего штырь флюгера. Большой флюгер мотало во все стороны. Вероятно, конь и всадник разделяли тревогу тех, кто снизу следил за маленькой фигуркой мальчика на гребне крыши.

Пожарный тихонько позвал:

— Эй, парень!

Киру открыл глаза. Заметив человека, появившегося со стены дома, он заморгал глазами.

— Как вы сюда попали? — спросил Киру хриплым голосом.



— По лестнице,— ответил пожарный.— А вот как ты сюда вскарабкался? — в свою очередь, спросил он. И добавил: — Не пойму, как ты не свалился. Ведь вся крыша обледенела.

Киру молчал. Он еще как следует не пришел в себя.

Пожарный сказал сочувственно:

— Нагорит тебе, наверное. Пошли.

Киру задвигал руками, завертел шеей. Он хотел убедиться в том, что еще не совсем окаменел. Пожарный сильной рукой обхватил мальчика за талию, но тот запротестовал:

— Я сам.

— Ладно,— сказал пожарный,— я полезу первый, буду тебя подстраховывать. А ты крепче держись и, главное, не смотри вниз.

И они начали сползать с крыши на первую перекладину лестницы: сперва пожарный, потом Киру. Когда мальчик ухватился за лестницу, он задержался. Еще раз посмотрел он на коня и всадника — на двух безмолвных виновников происшествия.

Внизу собралась толпа. Всех интересовало, что происходит на крыше большого дома. А лейтенант пожарных стоял в стороне и молчал. Словно ему было неловко, что его боевая красная машина не борется с пожаром, а снимает с крыши какого-то чудака.

Когда Киру очутился на земле, он почувствовал себя совсем хорошо. Самое трудное было позади. Он поблагодарил пожарного, который помог ему спуститься с крыши, и собрался было уходить, но постовой сказал ему:

— Придется проехаться в отделение. Дашь там объяснения, товарищ верхолаз.

Киру удивленно посмотрел на него: ведь он не сделал ничего плохого. Но постовой неумолимо сказал:

— Пройдемте!

Он пригласил Киру в пожарную машину и сказал лейтенанту пожарных:

— Довезите нас до четвертого.

Лейтенант кивнул головой, и машина помчалась по городу.

* * *

На другой день по пути в школу Киру встретил Айну. Обычно в таких случаях Киру замедлял шаги и безмолвно шел на почтительном расстоянии. Но после того как он карабкался по ледяной крыше, мчался по городу на пожарной машине и имел неприятный разговор в четвертом отделении милиции, ему уже не было страшно. Поэтому он решился подойти к Айне.

Он поднял на нее глаза и сказал:

— Айна, я видел флюгер. Это не петух и не рыба. Это всадник, скачущий над городом.

— Откуда ты знаешь? — удивилась Айна.

— Я... я был там...

— На крыше?

— Ну да, на крыше.

Киру ответил так спокойно, будто для него ничего не стоило залезть на крышу. Девочка недоверчиво посмотрела на него.

— Врешь! — сказала она.

— Нет, не вру! — отрубил Киру и сам удивился, что может так смело разговаривать с Айной.— А не веришь,— продолжал он,— не надо!.. Только я специально для тебя лазил.

И тогда холодная Айна улыбнулась. Она впервые посмотрела на Киру, как на равного. Она не могла смотреть свысока на человека, который побывал на такой головокружительной высоте, на какую не поднимался еще ни один знакомый мальчишка.

Киру почувствовал, как что-то звонкое и горячее забилось у него в груди. Он подошел ближе к Айне и сказал:

— Хочешь, я облазаю все флюгера и расскажу тебе, какие они вблизи.

— Не надо, не надо! — испуганно сказала Айна.— Еще свалишься.

Девочка неотрывно смотрела на Киру. Старый школьный товарищ вырос в ее глазах, и ей показалось, будто его подменили. И перед ней стоит совсем другой Киру. Новый, приехавший откуда-то издалека.

Они шли рядом. Упругий ветер с моря дул им в спину, словно поторапливал их. А высоко на крышах несли свою трудную службу флюгера: летели железные петухи, плыли рыбы, и всадник на коне скакал над городом.





ДЕЛО В ШЛЯПЕ

На снимке — один из моментов захватывающего матча. В нем приняли участие сборные команды муниципалитетов двух небольших американских городков — Якима и Уэлла-Уэлла. Мэры и шерифы состязались в том, кому удастся бросить шляпу с четырнадцатого этажа так, чтобы она оказалась на голове девицы, стоявшей в центре нарисованного на площади круга-мишени.

Отцы городов потирают руки. Пусть теперь кто-нибудь посмеет упрекнуть их, что они мало внимания уделяют организации культурного досуга своих сограждан!

ТОНКИЙ ВКУС



В одном изысканном ресторане в Париже расценили блюдо, изготовленное из левой куриной лапки, значительно дороже, чем то же блюдо, сделанное из правой лапки. Специальное примечание в меню объясняло удивленным посетителям эту разницу тем, что куры во время сна стоят на правой ноге и поэтому мясо левой ножки у них более нежное.

НЕУДАЧНЫЙ МАРШРУТ



Безработный неаполитанец Сальваторе Амаретти, потеряв всякую надежду на работу, вынул из клетки своего голубя и отпустил его, привязав к лапке птицы записку: «Это моя последняя надежда. Я уже несколько месяцев хожу без дела. Мне срочно нужна работа!» Но голубь избрал неудачный маршрут. Он попал к некоему Леопольде де Виво, который тоже больше года был безработным и собирался в поисках куска хлеба покинуть Италию.

ПРОДАЮТСЯ СОЛДАТЫ

Этих английских солдат зовут Брайан, Тед и Джон. Некоторое время назад они вступили в армию ее величества, а сегодня жаждут сбросить военную форму. Поскорее, пока не отправили в Родезию или в Западный Берлин. Однако не так-то просто освободиться из казармы. За это нужно заплатить около ста пятидесяти фунтов стерлингов. А таких денег у молодых солдат нет.

И вот Брайан, Джон и Тед нашли выход: они опубликовали в одной из английских газет объявление, предлагая себя в мужья любой девушке, которая выкупит их из армии.

Пока неизвестно, получат ли трое солдат возможность вновь надеть штатские костюмы. Правда, девушки, которые хотели бы взять их в мужья, нашлись. Но мешает одно обстоятельство: у них тоже нет необходимой суммы. И сейчас ведутся переговоры, не уступит ли военное министерство Теда, Джона и Брайана за полцены или в рассрочку...





НА ТОМ СВЕТЕ БЕЗ ПЕРЕМЕН

Галина ШЕРГОВА

Пейзаж загробного мира не поражал необычностью. В призрачных отблесках зелено-красных неоновых реклам шныряли автомобили и, проплывая мимо окон, ныряли в агонические синкопы, исторгаемые магнитофоном «Грюндиг».

Да! Прежде всего прошу иметь в виду, что этот репортаж не отличается ничем от любого иного, который я и мои коллеги ведут с территорий, расположенных по эту сторону «добра и зла», то есть с живой грешной земли. И если кто-то из читателей надеется найти в моих описаниях усовершенствованный путеводитель по девяти кругам ада, меню адской кухни, светскую хронику из бытия Люцифера или товарный список сортов фруктов, произрастающих в райских кущах «Райовощ»,— я должна сразу со всей откровенностью заявить: все это старомодные выдумки, от которых несет нафталином. Все совершенно иначе.

Недавно западногерманский журнал «Кристалл» вышел с обложкой, на которой редакция вопрошала: «Есть ли жизнь после смерти?» Я берусь заявить редакторам «Кристалла»: да, есть. Я побывала «там» и утверждаю это абсолютно твердо.

Собственно, с «Кристалла» все и началось. И началось вполне буднично.

В канун Нового года я просматривала пеструю пачку западногерманских журналов. Широкие многоцветные крылья рекламы (по сравнению с которыми оперение жар-птицы кажется убогим одеянием воробья) шелестели передо мной. Женщина — существо слабое. И не скрою, я с живым интересом вглядывалась в рекламных красоток, которые дарили мужьям новейшие лимузины «мерседес», перевязанные розовой ленточкой, покупали на каждом углу часы «Омега» и заказывали к обеду новые виллы строительной компании «N... и К°». И, представьте себе, это могла сделать любая жительница аденауэровского королевства, так называемая статистическая «средняя фрау Мюллер»!

Конечно, будь это в другое время, мне бы могли прийти в голову менее идиллические, скорее горькие картины из жизни статистической фрау Мюллер. Но, как я сказала, был канун Нового года, и все рекламные видения воспринимались как святочные рассказы.

И вот, листая очередной номер «Кристалла», я наткнулась на следующее сообщение: «Дорогие читатели! Немного ловкости рук — и вы можете стать преуспевающим ясновидцем». Это было заманчиво. Дальше шел список несложных рецептов, позволяющих вызывать в домашней обстановке духов и тем поражать гостей. Правда, редакция не без сарказма замечала: «Нужно констатировать, что духи, как правило, исчезают, когда появляется полиция».

Разочарованная, я уже хотела отложить журнал: карьера ясновидца явно была сопряжена с неприятностями. Но, скользнув глазами дальше по тексту, обнаружила, что все описанное выше вышло из моды, как Дантов ад, но что журнал «Кристалл», считая все предшествующие похождения медиумов шарлатанством, сегодня может предложить новейшие научные методы проникновения в потусторонний мир.

Страницы пестрели анонсами: «Посланцы с того света!», «Мертвый Мольтке является генералам генштаба!», «Европа и США насчитывают более 20 миллионов спиритов!».

В подтверждение тут же была опубликована фотография, запечатлевшая сеанс современнейшего спиритизма: над больной простерли длани братья-спириты, вызывающие духи умерших светил медицины для бесплатного консилиума.

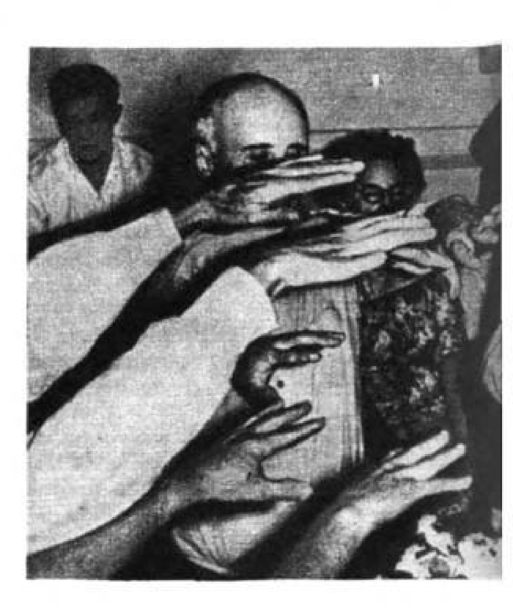
Дальше — больше. Охваченная честолюбивой жаждой выйти в прославленные ясновидцы, я постигала методы переселения душ и научной телепатии, которые давались со ссылками на руководителя сегодняшней школы немецкой парапсихологии доктора Ганса Бендера. Будучи невеждой в данной области, я не рискую брать под сомнение достижения этого ученого. Но под влиянием прочитанного у меня родилось ощущение, что в плоть г-на Ганса Бендера переселилась душа его прославленного однофамильца Остапа. Однако, подчеркиваю, это не вопрос моей компетенции.

Как бы то ни было, я испытала страстное желание переселиться душой в кого-нибудь. Но чья плоть была бы подходящей?

И вдруг я представила себя среднеарифметической фрау Мюллер. Я ехала в целой кавалькаде новехоньких «мерседесов-220», сжимая руль обеими руками, и на каждой из них красовалось по пять золотых «Омег», а впереди строй новорожденных вилл компании «N... и К°» ждал меня к обеду.

И вдруг (не забудьте, что был канун Нового года — время чудес и гаданий) я обнаружила себя вдали от московской квартиры, в незнакомой комнате, где крутился магнитофон «Грюндиг» и за окном в зелено-красном свете реклам, как длинные черные кашалоты, ныряли автомобили. Я подошла к зеркалу: незнакомое лицо глянуло из холодной бесконечности стекла. Я была уже не я. Я стала фрау Мюллер.

Все казалось привычным в этой квартире: и портрет лейтенанта



ПОДВЕДЕМ ИТОГИ!

МАРТТИ ЛАРНИ

Вновь наступила пора подведения итогов. Коммерсанты, банкиры, кинопродюссеры и фабриканты оружия просматривают свои счета в предвкушении солидных прибылей. Движение MRA[1] готовит отчеты о том, во что обошлась каждая спасенная душа и насколько завышен бюджет. Город кино — Голливуд — едва ли не единственное крупное предприятие, бюджет которого неизменно точен: поцелуй ценится в тысячу долларов, а человеческая душа — в пятьдесят центов.

Необычайной простотой отличается бюджет рядовых людей: что было заработано, все израсходовано, и под итогом можно подвести черту.

Прежде чем приступить к составлению своего собственного баланса (он столь же скучен, как и научное описание любви), разрешите мне рассказать небольшую историю об одном скромном человеке.

Звали его Юсси, а жил он и подвизался в свое время в сердце Финляндии — Хяме, где люди невероятно скупы на слова. Юсси был мелким земледельцем, воздержанным во всем, даже в умеренности. Он взял себе за правило современную мораль: когда человек делает столько же добра, сколько и зла, ему не нужны услуги духовного адвоката для подведения последнего баланса в своей жизни.

Месяца два назад Юсси занемог, слег в постель, и врач дал ему не больше двух недель жизни. Местный поп, пользуясь случаем, зашел проведать больного. Юсси посмотрел на духовного пастыря и промолвил:

— Я тут понемножку собираюсь, но с совестью своей я уже свел счеты.

Поп повел носом и, заметив откупоренную бутылку водки на столике Юсси, укоризненно взглянул на больного и спросил:

— Не в этой ли бутылке твое последнее утешение?

— Не совсем,— ответил, просветлев, Юсси.— В шкафу на кухне припрятаны еще две.

— Ты подумал бы лучше о царствии небесном,— заметил поп.— Человеку придется держать ответ за все свои проступки.

— Баланс подведен,— пробурчал Юсси.

— Это кем же?

— Мною. По примеру выдающихся людей, благотворителей и жертвователей, причисленных благодарными католиками к лику святых.

Поп набожно закатил глаза и воскликнул:

— Юсси, Юсси! Побойся бога! Не порочь святых! Вспомни слова священного писания, вспомни десять заповедей. Для твоих односельчан не секрет, что жизнь твоя не была безупречной.

[1] MRA — «Моральное перевооружение» — крайне реакционное религиозно-идеалистическое движение, объявившее своей целью «моральное очищение и создание нового мира». (Прим. редакции.)

Вилли Мюллера, убитого под Винницей, и черный креп вокруг рамы, обновляемый к каждому рождеству, и магнитофон сына фрау Мюллер — Ганса, и зеркало на стене, и кресло, в которое опустилась фрау.

Музыка заполнила комнату, высовывая звуки поочередно из трех стереофонических динамиков, развешанных по углам. Как пишут в детективных романах, «в комнате царил таинственный полумрак».

Вдруг музыка смолкла, и фрау Мюллер (или я — тут уже трудно определить, кто это был) услышала из одного динамика голос:

— Операция должна проходить так же, как в свое время Гитлером проводились аншлюс Австрии и вторжение в Судетскую область. Нужно молниеносно вторгнуться в ГДР и встать на Одере, прежде чем опомнятся народная армия и другие войска. В генеральном штабе и правительственных кругах убеждены в том, что при таком неожиданном нападении весь мир вынужден будет признать подобное решение.

Фрау Мюллер вздрогнула: в комнату вошел дух. Не будучи политиком, фрау Мюллер не могла узнать в лицо пришельца — то ли это был Кейтель, то ли Гудериан, то ли кто-то еще из «великих стратегов фюрера»,— но она точно узнала интонацию и характер речи бывших военачальников бедного герра Мюллера.

— Я хочу вам напомнить, что единая Германия включает в себя, кроме самой Германии, еще Австрию, часть Швейцарии, Саар и Эльзас и Лотарингию! — прогремело в другом динамике, и новый дух высунул оттуда голову.

— Путь на Восток ведет через Париж! — прохрипел первый динамик.



И вот величественно прошамкал стариковский голос (чувствовалось, что это главный начальник духов):

— Европа будет создана, когда мы ее создадим; тогда мы дадим нашей молодежи то, что ей необходимо,— более широкое пространство для ее экспансии.

Несмотря на старческое пришепетывание, фрау Мюллер узнала в говорящем Гитлера. Впрочем, он ведь мог состариться: столько лет прошло!

Духи обступали фрау Мюллер. Ужас наполнил все ее существо. И вовсе не встреча с пришельцами из мрака потрясла среднеарифметическую немку. Нет. Фрау Мюллер читала «Кристалл» и прочие журналы и знала, что чертовщина и духи — вещи вполне заурядные.

Фрау Мюллер потрясли заявления привидений. Однажды они уже стоили жизни ее бедному Вилли.

А духи не унимались: они митинговали, требуя походов на Восток и Запад. Загробный мир существовал. В этом не было сомнения. Уничтоженные в войне фашизм и милитаризм продолжали после смерти свое бытие.

И тогда, вспомнив пророчества «Кристалла», фрау Мюллер завизжала в панике:

— Полиция!

Полиция не появилась. Открылась дверь, и вошел сын фрау Мюллер — Ганс.

— Привет, мутти, — бросил Ганс, похлопывая по плечу дрожащую фрау Мюллер.— Ты молодец. Тебе давно надо бы проникнуться нашим духом. Это хорошо, что ты решила послушать мои записи высказываний лучших людей Германии.

— Опомнись, Ганс! — прошептала фрау Мюллер.— Какие записи? Меня посетили духи Гитлера и его приспешников.

Ганс хмыкнул:

— К сожалению, фюрера нет среди нас. Но ты слышала, Штраус, Зеебом и компания хранят его заветы. А каков наш Конрад? Лихо он сказал о Европе и немецкой молодежи! Вот послушай! — Ганс нажал кнопку магнитофона.

— Германские восточные территории не будут забыты, когда для Германии пробьет исторический час,— зашепелявил снова в динамике голос Аденауэра.

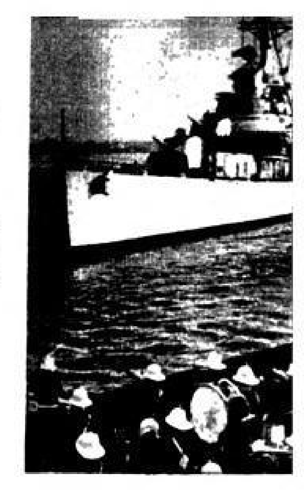
— Замолчите! — заплакала фрау Мюллер.— О Ганс! Ты хочешь участи отца? Зачем ты слушаешь это?

Но Ганс уже растаял вместе с привидениями.

Пропала и фрау Мюллер.

Я сидела у себя дома и обалдело глядела в раскрытый номер очередного западногерманского журнала, обещающего блаженство средней фрау Мюллер. Журнал был раскрыт на рекламе фирмы похоронных принадлежностей, которые фрау Мюллер может быстро и дешево приобрести для своих близких.

«МОРСКОЙ ЛЕВ» И ЛЕВ БРИТАНСКИЙ



«Английская территория, оккупированная германскими вооруженными силами, будет передана под контроль германской военной администрации»...

«Неповиновение будет жестоко караться»...

Это слова из проекта «Воззвания к населению Англии», составленного двадцать с лишним лет назад начальником оперативного управления генштаба сухопутных сил гитлеровской Германии Адольфом Хойзингером. Тем самым, который разработал небезызвестный план «Морской лев», предусматривавший превращение льва британского в послушную болонку, поднимающуюся на задние лапы по знаку нацистских укротителей.

Много воды утекло с тех пор, когда в тихих кабинетах фашистского генштаба родился документ № 480/40, украшенный грифом «Совершенно секретно». За эти годы Адольф Хойзингер сменил серо-зеленый мундир вермахта на серо-голубой мундир НАТО. А эсминец «Энтони», построенный американскими рабочими для борьбы против пиратских подводных лодок Деница и Редера, поднял флаг с черным орлом: судно передано боннским военно-морским силам.

Взгляните на первый снимок. Бывший «Энтони», ныне «Д-170», входит в британский порт Четэм. И его встречают не снарядами, а музыкой. Интересно, что играет оркестр? «Правь, Британия, морями»? Вряд ли! Это было бы слишком злой шуткой. Уж скорее «Дейчланд, Дейчланд юбер аллес».

Да, Хойзингер и его коллеги, вероятно, потирают руки, разглядывая подобные картинки. «Морской лев» в конце концов оказался сильнее льва британского!

Разумеется, «Воззвание к населению Англии», над которым в свое время потрудился герр генерал, сегодня не распространяется среди населения Британских островов. Наступили иные времена. Посмотрите на эту юную англичанку из Уэльса (снимок второй). Солдат бундесвера пишет на ее руке свою фамилию.

Эта девочка родилась уже после того, как был разрушен Ковентри. Среди ее знакомых нет, должно быть, людей, на руках которых палачи Гиммлера оставили свой несмываемый автограф — лагерный номер...

Английскую девочку и кое-кого из ее соотечественников постарше обманули. Их заставили поверить, что волки превратились в овец, а отпетые милитаристы — в добросердечных миролюбцев.

Жестоким похмельем придется расплачиваться за все это британскому льву. Как бы не пришлось ему услышать слова:

«Неповиновение будет жестоко караться»...



— Зато с совестью я в расчете! — воскликнул больной и затрясся от приступа кашля. Минуту спустя он успокоился, пропустил глоточек из бутылки и раскрыл перед попом всю неприкрашенную бухгалтерию своей жизни, к балансу которой он приложил следующее объяснение:

— Однажды спьяна я лишил жизни человека, но затем, тоже спьяна, наградил вдовушку сыном, так что баланс соблюден. Я крал дрова в лесу у соседа, но сосед присвоил мою лопату, сани и два топора. Мы с ним в расчете. Я изредка изменял жене, но ведь ни для кого не составляет тайны, что жена моя в молодости тоже была не очень целомудренна. Следовательно, счет прибылей и убытков равен нулю. Верно то, что за свою жизнь я тысячу раз призывал господа бога, но в противовес в острые минуты вспоминал чертей. Стало быть, баланс и тут сходится. Свой отдых я не всегда посвящал господу богу, но это мелочи жизни, ибо известно, что и попы трудятся в праздники. К тому же я считаю, что лучше проводить воскресные дни на покосе с помыслами о церкви, чем сидеть в церкви и думать о покосе. Итак, баланс опять подведен.

Юсси поднял глаза и, к своему удивлению, обнаружил, что поп исчез. Духовному отцу было невмоготу дослушать жестокую истину наших дней: сбалансированную мораль без дна и без покрышки.

В мире немало моралистов, подобных Юсси, которые сейчас подводят итоги. Богатый промышленник, сколотивший сказочное состояние чужим трудом, жертвует из рекламных соображений крупные суммы на благотворительные цели, стремясь пролезть в летопись истории. Государственному деятелю, одиннадцать месяцев разглагольствующему о мире, не подвести достаточно красочного итога, если он в последний месяц не займется разжиганием войны.

Ну, а как с моим собственным балансом? Тут дело плохо. Невыполненных обещаний было больше, чем выполненных. В январе я пообещал жене купить шубу, а сдержал обещание в декабре, купив ей на распродаже демисезонное пальто. Первого числа нового года я решил бросить курить. Решение свое я выполнил, так как за год бросал курить свыше тридцати раз. В начале года я пообещал одному финскому журналу написать романтическую повесть о любви. Прошел год, а я застрял на предисловии: «Мужчина есть мужчина, а женщина — женщина, и нет между ними ничего общего, кроме постели...» Разбираясь сейчас в своем балансе, я вынужден констатировать: я меньше дал, чем получил; больше обещал, чем сделал; так что годовой итог явно прибыльный. И сейчас я ломаю голову над тем: куда бы вложить эту прибыль, чтобы она дала максимальные выгоды?

За таким советом я обратился к сыну (кстати, он служит олицетворением бесконечного аппетита, обтянутого упругой кожей), находящемуся сейчас в возрасте самоуверенного остроумия. Сын ответил:

«Послушай, отец! Если ты получил больше, чем уплатил, то подбрось мне деньжат на кино, чтобы счета у тебя сравнялись».

«Я имел в виду символическую прибыль»,— отечески ответил я.

Мой сын — представитель атомной эпохи — ухмыльнулся с некоторым высокомерием:

«Ты всегда выражаешься символично, а вот мама куда реалистичнее: она говорит, что все, что поступает, расходится, да еще не всегда хватает. Мама имеет в виду деньги, а ты, конечно, мораль. Ну как, дашь денег на кино или не дашь?»

Конечно, я дал. И тем самым примкнул к тем Юсси, которые к концу года отмечают, что счета сошлись.

Сейчас последний день 1961 года. На следующий год я не даю никаких обещаний. Постараюсь выполнить прежние. Но это не мешает мне пожелать читателям журнала «Огонек» счастливого 1962 года.

Хельсинки.

Сказания о Мудреце Махаданамутте



Рисунки цейлонского художника Г. С. ФЕРНАНДО.

Махаданамутта — популярная в цейлонском фольклоре фигура глупого мудреца. Он и его пять учеников выступают героями во множестве народных сказаний, происхождение которых теряется в глубокой древности. Неизвестны и авторы этих сказаний; можно только предположить, что после того, как были впервые придуманы эти забавные и чудаковатые персонажи, их черты изменялись и дополнялись в позднейших вариантах.

На всем этом фольклоре лежит отчетливый отпечаток иронии: Махаданамутта и его ученики олицетворяли собой правителей древнего Цейлона, над нелепыми манерами и сомнительной мудростью которых любил посмеяться народ.

Т. Б. ПЕРАМУНЕ ТИЛЛАКЕ,
цейлонский писатель.

Мудрец и его ученики

В некие времена жил на Цейлоне Мудрец по имени Махаданамутта («Великий Советчик»). У него была длинная, ниспадающая волнами белая борода, которую он аккуратно расчесывал большим полукруглым черепаховым гребнем. Пестрая «сомана» опоясывала его чресла, а плечи прикрывала черная накидка, придававшая ему воистину царственный вид. В руке он всегда держал дорожный посох — знак его непревзойденной мудрости.

У Махаданамутты было пять верных учеников. Первый — Полби Муна, с круглым лицом, похожим на половинку кокосового ореха,— был знатоком врачевания и исполнял обязанности медика при Мудреце. Котукитхайя, длинный и тонкий, как жердь, слыл непревзойденным математиком, способным считать с быстротой, недоступной другим людям. Раббода Айя, лицом более смахивавший на орех дерева «арека», был горд своими познаниями в зодчестве и к тому же обладал хорошо развитыми мышцами. Пувакбадилла отличался бледностью кожи, напоминавшей сердцевину вышеуказанного дерева, и по призванию являлся звездочетом; следует добавить, что человек он был до крайности ленивый и ухитрялся любое дело оставить незаконченным на долгие дни. Последним был Индикату Панча, что означает «дитя с иголку». Он и вправду был самым юным среди учеников Мудреца.

Все они жили в одном доме с Учителем. Ученики прислуживали ему, и вера их в его мудрость была безгранична. Они во всем строго руководствовались его указаниями и наставлениями и каждое утро и вечер проводили в спорах о том, кто из них лучше умеет выразить уважение Учителю и должным образом вести себя в его присутствии.

Впрочем, и любой другой человек, нуждавшийся в поучении Мудреца, дивился тому, с какой непостижимой быстротой последний давал ответ на самые, казалось бы, запутанные вопросы.

В поисках

Однажды утром, когда ученики сошлись на обычную беседу, Мудрец явился к ним хмурый и задумчивый. Усевшись в кресло, он долго не произносил ни слова, только пристально разглядывал всех пятерых. Ученики, в свою очередь, с тревогой и смущением смотрели друг на друга.

— Вот что заслуживает удивления,— сказал наконец Светоч Мудрости.— Столько неоценимых услуг оказали мы нашим соотечественникам, а число наше не возрастает! Ни один новообращенный не присоединился к нашему сообществу. Неужели так бедна умными людьми наша страна?

Ученики молчали, не находя ответа на поставленный вопрос.

— Если новые ученики не приходят к нам, тогда нам остается отправиться к ним,— изрек Мудрец.

И вскоре они во главе с Учителем отправились на поиски новой паствы. Они провели в пути целый день и решили остановиться на ночевку на ближайшем постоялом дворе.

После утомительного путешествия Учитель чувствовал усталость, голод и раздражение. Ученики поспешно отправились искать для него какой-нибудь пищи.

Полби Муна, врачеватель, пошел добывать для ужина овощи. Из всего обширного царства этих земных даров он решил выбрать такие, которые полезны для человеческой крови, слизи и дыхания. Но если отобранный



Полби Муна.

им овощ оказывался подходящим для крови, он не годился для дыхания и слизи; если другой овощ облегчал дыхание, он совершенно не подходил для крови и слизи. После долгих поисков Полби Муна вернулся с пустыми руками.

Котукитхайя, математик, который должен был найти рис, не смог выполнить этого поручения. Продавец риса обратился в бегство, напуганный сложнейшими математическими вычислениями, которым предался ученый покупатель по поводу продажной цены риса.

Раббода Айя, зодчий, должен был разложить костер. Но он не смог найти трех камней одинакового размера и бросил дело недоделанным.

Пувакбадилла, звездочет, ходил собирать сучья для костра. Но и он вернулся ни с чем: ему перебежала дорогу ящерица, а по науке о светилах это считается дурным предзнаменованием.

Индикату Панча, младшего ученика, Мудрец не посылал никуда и оставил его прислуживать себе.

Хотя ученики вынудили таким образом Учителя поститься, он не преминул похвалить их. Он хвалил каждого за верность своей идее и за уважение к требованиям науки.

Назавтра, поднявшись чуть свет, они продолжали путь. К вечеру им пересекла дорогу река. Махаданамутта и его ученики в душе побаивались воды. Усевшись на берегу, они стали размышлять, не вернуться ли назад, отказавшись от поисков новых последователей. Но Мудрец решительно отверг это предложение.

— Переход реки,— сказал он,— будет совершен, но только ночью, как только река уснет.

Котукитхайе было поручено следить за тем, когда река погрузится в сон. Математик соорудил факел из сухих пальмовых листьев, зажег его и отправился к реке. Опуская факел в воду, он услышал громкое шипение. Дрожа от страха, он бросился назад и доложил Учителю, что река все еще бодрствует.

— Надо подождать,— объяснил Венец Мудрости.— Ни звука, друзья, иначе река узнает, что мы здесь!

Они просидели в строгом безмолвии несколько часов. Потом по знаку Учителя математик пошел к реке, держа в руке свой погасший, обгорелый факел. Осторожно опустив его в воду, Котукитхайя не услышал ни звука. Он поспешно вернулся к Учителю и сообщил, что река уснула. Тут же все вошли в воду и, цепляясь друг за друга, благополучно выбрались на другой берег, довольные тем, что сумели обмануть реку.

Учитель тут же принялся пересчитывать всех.

— Реки,— объяснил он,— существа весьма коварные и при случае готовы поглотить зазевавшегося человека.

Увы, счет принес тревожный результат! Их оказалось всего лишь пять. Учитель велел всем по очереди считать сначала — все равно выходило пять. Всех охватила тревога. Кто-то из учеников захныкал. Непонятно было: кто же из них пропал без вести?

Проходивший мимо крестьянин поинтересовался, в чем дело. Он попросил повторить счет при нем и сразу заметил, что каждый из ведущих счет забывает включить в него самого себя. Тогда крестьянин сказал, что постарается выручить почтенных путников из беды.

— Но я сделаю это с помощью вот этой магической палочки,— сказал он, показывая свой дорожный посох.

Он выстроил всех в ряд и велел каждому назвать по порядку свой номер. «Первый!» — крикнул Полби Муна. «Второй!» — отозвался Котукитхайя. Тут же крестьянин отвешивал каждому удар палкой по спине. Когда дошел черед до Светоча Мудрости и тот крикнул «Шесть!», он получил особенно крепкий удар по загривку.

Все пришли в неописуемый восторг. Махаданамутта от своего имени и имени своих спутников выразил спасителю самую искреннюю благодарность.

Затем дружная шестерка двинулась в путь, провожаемая насмешливыми взглядами крестьянина.

Лошадь и здравый смысл

Когда о мудрости Махаданамутты стало известно во всей округе, ученики решили, что не приличествует достопочтенному Учителю совершать пешком свои полезные путешествия. И они, посоветовавшись, пришли к единодушной мысли: подарить Учителю лошадь.

Почесав в затылке, Пувакбадилла приблизился к Мудрецу и сообщил ему об этом решении.

— Хорошо, я согласен,— ответил Махаданамутта.— Но будьте осторожны в выборе лошади и позаботьтесь также, чтобы седло было удобным.

Ученики отправились на поиски. Они спрашивали людей во всей округе, нет ли лошади на продажу, и если есть, то какая будет цена. Но никто не мог помочь им советом и ни у кого не оказалось лошади.

Однажды пятеро высокочтимых учеников проходили мимо хиндуистского храма. Пувакбадилла, испытывавший жажду, заметил у входа в храм водоем и направился к нему, чтобы испить воды. Наклонившись, он вдруг увидел под водой то, чего никак не ожидал увидеть — лошадь! Живую лошадь!

Позабыв о жажде, он побежал к товарищам, полный радостного возбуждения.

— Эгей, я нашел, нашел лошадь. Здесь, в водоеме! — кричал он.

— Нашему Учителю всегда сопутствует счастье! — воскликнул Котукитхайя.— Это боги послали нам лошадь!

Все побежали к водоему. Каждый по очереди глядел в воду и каждый убеждался: лошадь, живая лошадь, она даже слегка пританцовывала под водой!



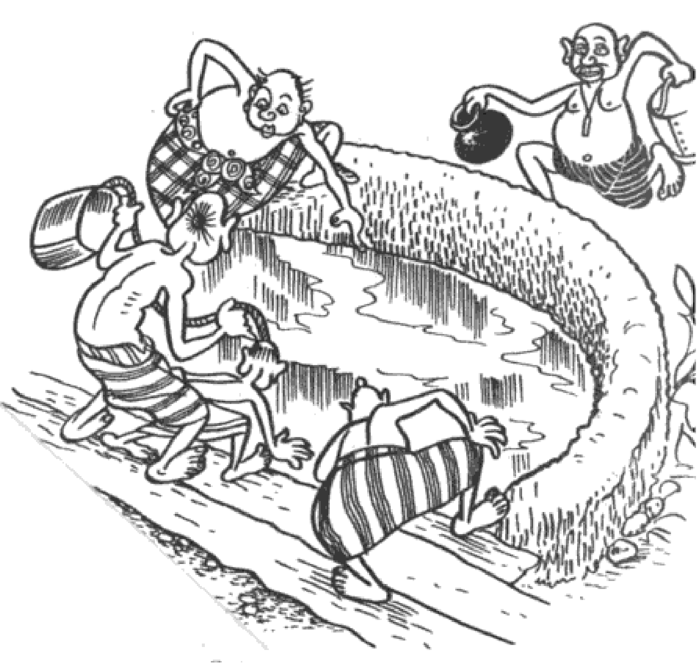
Котукитхайя.

— Надо вычерпать водоем, и лошадь будет наша! — сказал Пувакбадилла и тут же зачерпнул полный ковш воды. Потом это сделал Котукитхайя. Так по очереди они принялись осушать ковшом водоем. Увы, уже вскоре они убедились в безуспешности своих усилий!

За их усердной работой долго и молча наблюдал жрец храма. Наконец он спросил их, почему они вычерпывают воду из водоема без его разрешения.

— В водоеме лошадь, и мы хотим вытащить ее,— ответил Пувакбадилла.

— Лошадь в водоеме? — задумчиво произнес жрец.— Взгляните на дерево, что распростерло над водоемом свои ветви. Видите, на нем висит деревянная лошадь: ее принес в дар храму один правоверный. Теперь понимаете, в чем дело, братья?



Но учеников Мудреца так-то легко было сбить с толку.

— Не думаешь ли ты,— возразил Котукитхайя,— что мы такие глупцы, чтобы верить твоей выдумке?

И он посоветовал жрецу заниматься своими делами и не мешать им.

— Что ж, я покажу вам, что горит в воду,— спокойно ответил жрец. И он снял лошадь с дерева.

Запыхавшиеся ученики наклонились над водоемом. Лошадь исчезла!

— Знаем мы вас, жрецов! — закричал в ярости Пувакбадилла.— Ты просто жалеешь отдать нам эту прекрасную лошадь, которая живет в воде. Жрецы все обманщики, они умеют заставлять вещи исчезать и появляться вновь!

И ученики Великого Советчика ушли прочь, ругая жреца за его недостойный магический фокус. Их решимость не была поколеблена — они во что бы то ни стало найдут лошадь для Учителя!

Вскоре они встретили прохожего. Они стали наперебой просить его продать им лошадь за пять патха [1].

— За пять патха? — недоверчиво переспросил прохожий.— Кто же вам уступит лошадь за такую цену? Разве что яйцо, снесенное лошадью, вы сможете купить за пять патха.

Ученики принялись благодарить прохожего и всячески восхвалять его достоинства. Человек повел их к старейшине ближайшей деревни и объяснил ему их просьбу. Старейшина сказал, что обычно яйцо, снесенное лошадью, стоит дороже пяти патха, но выразил готовность, чтобы не обидеть земляка, приведшего их к нему, довольствоваться этой ценой. Он показал ученикам Мудреца несколько больших тыкв, валявшихся в его огороде, и сказал, что это и есть яйца, снесенные лошадью.

— Я положил их на солнце,— сказал старейшина,— через несколько дней из них вылупятся жеребята.

Ученики вручили старейшине пять патха, выбрали себе приглянувшееся яйцо и с благодарностью покинули гостеприимную деревню. Раббода Айя взвалил гигантское яйцо на плечи, остальные торжественно следовали за ним.

Все они были безмерно счастливы и торопились изо всех сил принести свой подарок Учителю. Но Раббода Айи вдруг споткнулся и растянулся плашмя на дороге. Тыква упала на землю и раскололась на две половинки.

Шум падения Раббоды Айи испугал кролика, прятавшегося в кустах, и он стремглав выскочил на дорогу и помчался, спасая свою жизнь.

— Это жеребенок! Он вылупился из яйца! — закричали в один голос ученики Мудреца и бросились догонять свою добычу. Но кролик выиграл состязание в беге и где-то

[1] Мелкая медная монета.



Раббода Айя.

.рылся в кустах. Пятеро учеников, обессиленные, грустно уселись на обо- д.дороги.

осле долгих споров они решили наконец казаться от поисков лошади для Учителя. Вернувшись к нему, они, перебивая друг друга, рассказали о своих злоключениях.

— Довольно, довольно,— изрек Мудрец и заставил всех замолчать.— Все, что ни случается,— к лучшему. Если жеребенок мчался с такой скоростью, едва вылупившись из яйца,— представьте себе, как понес бы он меня, когда я сел бы на него верхом. Разве могу я в моем преклонном возрасте управлять столь бешеным конем?

— Это справедливо, вот истинная мудрость! — ответил Котукитхайя.

Махаданамутта особо выразил сожаление и благодарность Рабборе Айе, пострадавшему при падении на землю, но предотвратившему еще более тяжелое несчастье: увечья, которые могла нанести самому Учителю слишком резвая лошадь.

Книга правил

Махаданамутта никуда не ходил без своих учеников. Они же, со своей стороны, не делали и шага без Учителя.

Однажды Мудрец шествовал по дороге, сопровождаемый верными спутниками — они всегда ходили гуськом, один за другим. Вдруг гребень вывалился из его бороды и упал на землю. Махаданамутта не заметил этого. Ученики же видели падение гребня, но ни один не решился поднять его. Они поступили так не потому, что небрежно отнеслись к предмету, принадлежащему Учителю, а потому, что не имели указаний от него на такой случай.

Позднее, когда Махаданамутта заметил отсутствие гребня, он не стал корить своих учеников.

— Вы поступили правильно,— сказал Великий Советчик. Он был доволен тем, что ученики так хорошо усвоили правило: не делать ничего без его указаний.

Однако, поразмыслив, он решил, что это безоговорочное послушание может неблагоприятно сказаться на прочих предметах, составляющих его собственность. И он решил, что лучше будет внушить ученикам соответствующее правило.

— Добрые мои последователи! — изрек он.— Отныне знайте, что ваш долг — поднимать и возвращать мне любой оброненный на землю предмет.

Он приказал Пувакбадилле, который, кроме занятий астрологией, выполнял обязанности писца, занести это первое письменное правило в создаваемую отныне «Книгу правил и наставлений».

С тех пор верные ученики строго выполняли означенное предписание. Они аккуратно поднимали с земли все, что попадалось им на дороге, будь то пальмовая веточка, или прутик, или перышко от птицы. Все это они бережно укладывали в холщовый мешок, где хранились листья бетеля, которые любил жевать Учитель.

Махаданамутта вскоре заметил, что мешок стал переполняться всяким непредусмотренным мусором. Он потребовал объяснений. Ученики в один голос сослались на его собственное предписание, занесенное в «Книгу правил». Мудрец не обиделся. Это было лишнее подтверждение полной покорности и повиновения его учеников.

— Индикату Панча, выбрось все это из мешка! — сказал он младшему из учеников.

После долгого раздумья Махаданамутта добавил:

— Пувакбадилла, внеси в «Книгу» следующую поправку к первому правилу: «Следует поднимать с земли только предметы, принадлежащие вашему Учителю, если он случайно обронит их».

Тут же Индикату Панча был послан на поиски гребня. Когда он вернулся, неся в руке гребень, который, хвала Провидению, мирно лежал на дороге, они продолжили свой путь.

Они шли по тропинке вдоль залитого водой рисового поля, причем Учитель, как обычно, возглавлял шествие. Он продолжал наставлять учеников, как надо быть осторожным в пути, как выбирать более удобную дорогу и избегать всяких препятствий. И вдруг — о, ужас! — Учитель провалился по пояс в болотную трясину.

Как ни старался Мудрец, он не мог выбраться на твердую почву. Ученики немедленно сбежались к месту происшествия. Пувакбадилла тут же достал «Книгу правил и наставлений» и стал усердно искать правило, предусматривающее столь прискорбный случай. Увы, он не обнаружил ничего подходящего.



— О! Тут дело вот в чем! — сказал он, прекращая поиски.— В каком направлении двигались мы сегодня? На север? На восток? И какой сегодня день? День Сатурна или Козерога? Если бы мы были нынче под знаком Стрельца, то это был бы более благоприятный день в гороскопе Учителя и с ним ничего бы не случилось...

Пока Пувакбадилла продолжал поиски в мире светил, чтобы установить истинную причину падения Учителя в трясину, остальные ученики растерянно глядели друг на друга. А Махаданамутта продолжал барахтаться в болоте, безуспешно пытаясь выбраться из него.

Котукитхайя вырвал «Книгу правил» из рук звездочета и стал листать дальше, но страницы были пусты.

Светоч Разума уже потерял всякую надежду на спасение. И тогда он закричал:

— Добрые ученики, скоро ли вы кончите свои размышления? Вытащите же меня!

— О Учитель! — воскликнул Пувакбадилла.— У нас нет указаний. «Книга правил» молчит.

Все ученики закивали головами в знак согласия с астрологом.

— Конечно, это не ваша вина,— простонал изнемогающий Махаданамутта.— Скорее идите ко мне с книгой и пером.

И утопающий Мудрец продиктовал новое правило: «Если ваш Учитель когда-либо увязнет в трясине, вам надлежит без промедления вытащить его».

Едва новое правило было записано и прочитано всеми,— ученики дружно ухватились за одежды Великого Советчика и объединенными усилиями извлекли его из цепких объятий болота.

Пророчество

Однажды Махаданамутта решил, что ему нужен новый и более прочный дорожный посох. Он велел Раббоде Айе отправиться в лес и срубить ветку, из которой можно будет изготовить посох по вкусу Учителя.

Ученик пошел в лес, вскарабкался на высокое дерево, удобно уселся на большой ветке и принялся рубить ее топором в том месте, где ветка соединялась со стволом.

Оказавшийся вблизи прохожий увидел, что вот-вот Раббода Айя полетит вниз, и крикнул ему:

— Эй, человек! Что же ты делаешь? Ты не в том месте рубишь ветку. Она упадет вместе с тобой!

— Со мной вместе? — насмешливо переспросил Раббода Айя.— Чушь! Я знаю, что делаю. И как ты смеешь давать советы ученику самого Махаданамутты?!

И он продолжал рубить ветку там, где начал.

«Должно быть, он не ученик Махаданамутты, а просто сумасшедший»,— подумал прохожий и решил еще раз попытаться спасти безумца.

— Остановись, друг! — крикнул он.— Говорю тебе, ты расшибешься, если не послушаешь меня!

Раббода Айя вышел из себя.

— Ты надоел мне! — закричал он в ответ.— Иди своей дорогой и не мешай!

— Ладно, я пойду,— ответил путник.— Если ты упадешь, это почувствуют твои кости, а не мои. Но смотри же — ты упадешь, как только я сделаю первые несколько шагов!

И прохожий зашагал прочь.

Не сделал он и пяти шагов, как ветка обломилась и полетела на землю. Ученик Мудреца последовал за ней. Но как ни сильна была боль от ушибов, Раббода Айя прежде всего оставался честным искателем истины. Предсказание прохожего оправдалось в точности — разве это не чудо?!

Кряхтя от боли, он бросился догонять прохожего. «Я непременно должен спросить его о чем-либо важном,— говорил себе Раббода Айя.— Например, о том, когда умрет наш Учитель».

Прохожий оглянулся и, увидев бегущего и размахивающего руками Раббоду Айю, перепугался и пустился бежать сам.

— Эй, не спеши! — кричал Раббода Айя на бегу.— Ты великий человек! Ты точно предсказал то, что потом случилось. А теперь, ува-





Пувакбадилла.

жаемый, ответь мне на один только вопрос: когда умрет наш Учитель?

Прохожий бежал все быстрее. Чтобы успокоить и отвлечь преследователя, он крикнул первое, что пришло ему в голову:

— Ваш Учитель умрет в тот день, когда волосы на его голове промокнут в воде!

— Спасибо тебе, добрая душа! — ответил, останавливаясь, Раббода Айя. Потом он повернул назад, окончательно забыв о том, зачем его посылали в лес.

Придя к Махаданамутте, он объявил:

— О Учитель! Один человек сказал мне, что ты покинешь этот мир в тот день, когда промокнут в воде волосы на твоей голове.

— Где ты повстречал этого человека? — поинтересовался Полби Муна.

— В лесу. И у меня есть причина верить ему. Он предсказал, что я свалюсь с дерева, как только он сделает несколько шагов,— и так в точности оно и произошло.

— Этот человек, должно быть, великий ученый? — предположил Котукитхайя.

— Он, должно быть, астролог, а звездная наука никогда не ошибается,— важно заметил Пувакбадилла.— Наверно, он сделал свое предсказание после того, как сверился с небесными светилами, а светила оказывают большое влияние на судьбы людей.

— Учитель! — закричали после этого все ученики.— Умоляем вас, не давайте промокнуть волосам на вашей голове!

— Разумеется! — изрек Учитель.— Я ведь не могу лишить людей возможности и впредь пользоваться моими советами.

И Махаданамутта добавил:

— Но прежде всего отдадим в душе благодарность этому человеку, кто бы он ни был. Если бы Раббода Айя не встретился с ним, какое несчастье могла бы принести моя преждевременная смерть нашему ни в чем не повинному народу!

Случай с козой

Люди обращались к Махаданамутте со своими бедами и заботами, большими и малыми. Великий Советчик никогда не задумывался. Он с поразительной быстротой давал советы даже по самым запутанным вопросам.

Однажды к нему прибежал просить помощи один крестьянин. У крестьянина стряслась беда: его единственная коза засунула голову в горшок и никак не может вытащить ее обратно. Бедное животное в страхе мечется по двору, и хозяин не может даже поймать козу. Каким же способом вызволить из горшка столь важную часть ее тела?

Светоч Мудрости оставался невозмутимым. Он сказал, что осмотрит козу на месте и после этого вынесет решение.

Котукитхайя наклонился к уху просителя и прошептал ему:

— С тех пор, как нам не удалось найти для Учителя лошадь, он разъезжает только на слонах.

Крестьянин понял намек и тут же привел слона. Махаданамутта величественно уселся на слоновьей спине и двинулся в путь. Ученики и крестьянин сопровождали Мудреца пешком. По дороге к шествию присоединялись все новые люди, и вскоре за Учителем следовала огромная толпа.

Шествие остановилось у хижины крестьянина. Однако слон не мог пройти во двор, окруженный каменной стеной: вход был для него слишком узок. Мудрец тут же распорядился сломать часть стены. Крестьянин почесал в затылке, но повиновался, и вскоре слон торжественно вступил во двор с Махаданамуттой на спине.

Обезумевшая коза все еще носилась по двору и огороду. Сидя на слоне, Великий Советчик несколько мгновений внимательно разглядывал животное, затем улыбнулся и приказал крестьянину:

— Поймай козу и отдели ее голову от туловища секирой!

Животное было наконец поймано, хотя его хозяину пришлось пробежать такое же расстояние, которое коза уже проделала до того. Затем крестьянин взял секиру и отрубил козе голову.

— Прекрасно,— одобрил Махаданамутта.— А теперь... Чего же ты медлишь, добрый человек? Разбей горшок, и ты легко извлечешь голову твоей козы.

Этот второй совет Мудрец произнес уже почти недовольным тоном.



Кто-то ударом палки разбил горшок, и голова козы очутилась в руках хозяина.

Толпа, собравшаяся во дворе, бурно приветствовала Махаданамутту. «Какая удивительная мудрость!» — восклицали все. А пятеро учеников Великого Советчика просто места не находили от гордости за своего Учителя.

— Послушайте, добрые люди! — возгласил Махаданамутта, озирая огромную толпу.— Почему вы не пытаетесь самостоятельно решать подобные мелкие задачи? Вы должны совершенствовать свои знания — я ведь не буду жить вечно и вечно делать все за вас!

— Какой мудрый и сердечный человек наш Великий Советчик! — умилялись люди.

А Махаданамутта торжественно отбыл, оставив крестьянина с разрушенной стеной и с отрубленной козьей головой в руках.

Последнее поучение

После описанного выше пророчества, услышанного Раббодой Айей в лесу от прохожего, Махаданамутта стал по возможности избегать омовения водой. А если он изредка и решался на это, то принимал все меры к тому, чтобы не замочить в воде голову.



Но то, чему суждено свершиться, свершается.

Учитель и его ученики возвращались домой из одного из своих паломничеств. Утомленные жарой и долгим странствием, они пришли на берег реки. Холодные струи манили их. Котукитхайя предложил искупаться, прежде чем продолжать путь.

Мудрец дал ученикам свое разрешение. Наблюдая, с каким весельем они погружались в живительную влагу, он не выдержал и, сбросив одежды, вошел в воду. По примеру своих спутников он несколько раз окунулся с головой, испытывая при этом истинное наслаждение.

И вдруг он вспомнил о человеке, которого повстречал в лесу Раббода Айя! Учитель поспешно выбежал из воды и закричал ученикам:

— Скорее несите меня домой! Скорее, не теряйте ни минуты!

Перепуганные ученики подняли Учителя на плечи и бегом, напрягая последние силы, принесли его домой.

Тут же было приготовлено ложе, и Махаданамутта растянулся на нем, дав знак ученикам оставить его одного. Через некоторое время он снова призвал их и сказал:

— Мои добрые последователи, не предавайтесь скорби! Смерть приходит к каждому из смертных. Ни один мудрец, способный одолеть многое, не может одолеть смерть. Не могу этого сделать и я при всей моей мудрости. Таковы предначертания природы.

— О Учитель! — возопили ученики.— Ты, руководивший нами во всем, дай нам последнее наставление!

Светоч Мудрости слабо кашлянул, помолчал несколько мгновений и сказал:

— Да... Вот мой последний совет... Вы не должны никогда поступать против вашей совести. Делайте то, что считаете правильным, и не слушайте того, что говорят другие. Вспомните, как наша мудрость спасла нас от ковар-



Индикату Панча.

ства реки, когда нам нужно было перейти ее. Вспомните мой совет вам, когда я обронил на землю мой гребень. И то, что я вам говорил, когда едва не погиб в трясине. Вспомните, как быстро и мудро я помог извлечь голову козы из горшка. По каждому из этих случаев я давал вам нужные объяснения и снабжал вас правилами поведения на всю жизнь. Следуйте этим правилам — и вы никогда не будете ошибаться.

Переведя немного дыхание, он дал знак ученикам подойти ближе к своему ложу.

— Как вы знаете,— продолжал Махаданамутта,— люди начинают понимать, какие великие услуги мы оказываем им. Они и далее будут нуждаться в вашей помощи в трудную минуту. Поэтому не обманывайте их ожиданий и их веры в вас.

— Да, Учитель, мы слово в слово запомним твое последнее поучение и будем строго следовать ему,— сказал Раббода Айя.

Затем Махаданамутта закрыл глаза, вытянулся на своем ложе и сказал:

— Мои верные друзья, теперь я умер.

Ученики не могли примириться с мыслью, что Учитель покинул их. Одни бросились на землю с плачем, другие, окаменев, стояли у ложа. Временами они оглашали комнату жалобными криками:

— Какое горе! Мы потеряли его так рано!..

Печальная весть о кончине Великого Советчика быстро распространилась по окружающим деревням. Нескончаемой вереницей шли люди отдать последнюю дань уважения Мудрецу, образцу высокой учености, столько раз помогавшему им своими указаниями. Посетители вспоминали добрые дела покойного, личные услуги, оказанные им каждому. Другие сожалели о том, что своевременно не обратились к нему за советом.

Начались приготовления к переносу тела в Амурокану — так назывался лес, являвшийся местом последнего упокоения усопших. Согласно личной воле, выраженной Махаданамуттой, тело его должны были нести в Амурокану только его ученики, другим доступ туда был воспрещен. Ученики и понесли прах Учителя на носилках, остальные же участники похорон сопровождали процессию только до определенного места на дороге.

Вскоре пятеро учеников достигли развилки, от которой отходили четыре дороги. Никто из них не знал, какая дорога ведет в Амурокану. Они решили обсудить этот вопрос и опустили носилки с телом Махаданамутты на землю.

Полби Муна указал на одну из дорог и предложил идти по ней. Котукитхайя избрал другую дорогу как доподлинно верную. Раббода Айя заявил, что эта дорога заведет их бог весть куда. Индикату Панча глядел во все глаза на товарищей, между которыми разгорался жаркий спор.

Они так и не пришли ни к какому решению. Махаданамутте стало невтерпеж. «Они уже давно могли бы донести меня до Амурокаңы»,— думал он в раздражении. Не в силах молчать дольше, он поднял голову и сказал, указывая на одну из дорог:

— Вот правильная дорога! Я всегда ходил по ней, когда был жив.

Ученики оцепенели от неожиданности. «Может ли быть, чтобы Учитель восстал из мертвых?! — в ужасе думали они.— Должно быть, это его призрак поднялся с носилок!»

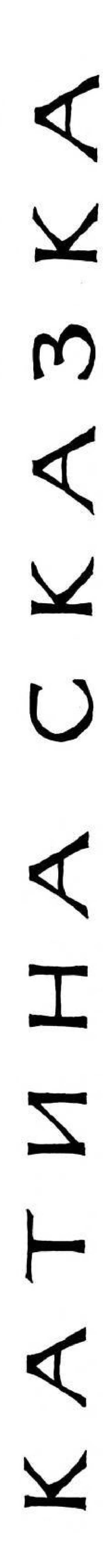
Охваченные страхом, они бросились бежать врассыпную по всем четырем дорогам, оставив Махаданамутту одного.

С тех пор они больше не встречались. Люди так и не узнали о том, что случилось дальше с Мудрецом и его учениками. Они только сожалели, что мудрость Великого Советчика больше не может служить им.

* * *

Но шли годы — и люди почему-то стали посмеиваться, вспоминая о Светоче Мудрости — Махаданамутте и его учениках. Люди весело смеются над ними и поныне.

Перевел с английского Л. Чернявский.



КАТИНА СКАЗКА



Катя Усанова и Ольга Михайловна Морозова.
Фото С. Розенфельда.

Н. ХРАБРОВА

Недавно я узнала одну историю, совсем похожую на сказку.

Бежит раз мне навстречу по улице Пикк одна моя маленькая приятельница, бежит весело, вприпрыжку.

— Куда скачешь?

— В кукольную поликлинику. У меня кукла заболела: ни «папа», ни «мама» говорить не может, глаза закрыла и больше не открывает. Я ее в поликлинику отнесла, обещали к празднику выписать. Это я за ней скачу. Пойдешь со мной?

Конечно, пойду: ведь интересно, как кукол из поликлиники выписывают. А еще интереснее, что она в поликлинике, а не в скучной мастерской по ремонту кукол. Вот и вывеска: «Кукольная поликлиника»; на витрине веселые, здоровые куклы нарисованы.

— Тут санитаркой тетя Катя работает, такая хорошая, только еще говорит плоховато,— тараторит моя приятельница.

Катя Усанова работает уборщицей в мастерской по ремонту кукол, что на улице Пикк, в Таллине. И говорит плоховато и ходит не совсем уверенно: в детстве болела инфекционной болезнью, оставившей после себя частичный паралич рук, ног и речи.

Она не помнит, рассказывали соседи, как горела в войну ее бревенчатая деревня: сунул немецкий солдат под застреху факел — и через два часа на месте родного до-

ма черная труба да груда дымящихся головней. Она не помнит, соседи рассказывали, как кинулась спасать скот и сгорела в хлеве ее мама. Не помнит, кто спас ее, годовалую, от смерти и огня. Не помнит, как болела и почему осталась жива. Только всегда помнит себя больной, грязной, голодной, униженной, осыпанной бранью и обидными прозвищами. Да помнит, как приходила к ним в дом учительница деревенской школы, говорила отцу:

— Лечить надо девочку, потом учить будем.

Отец усмехался:

— А зачем ее, уродку, лечить? У меня путных детей много, вот их и учи.

Наверное, учительница не была равнодушным человеком. Но когда и кому были полезны добрые, полные слез слова, если они оставались только словами?

Об отце Катя не хочет рассказывать. Она сама с ее бедой — свидетельство о нем. Может быть, только одну черточку надо добавить: семья Усановых жила в той части Псковской области, которая до Советской власти принадлежала Эстонии. Катина деревня недалеко от Печерского монастыря, суверенных владений бога. В этих владениях врач считался ненужным баловством, болезнь — наказанием господним за грехи родителей, учение — излишней роскошью. Когда пришла новая жизнь, такие, как Катин отец, не приняли ее, не поняли, не поверили. Мало ли таких, кто боится света!

И зачем рассказывать об отце? Лучше о тех, кто не по родству близок, а по сердцу. Например, об Ольге Михайловне.

Ольга Михайловна!

...Казалось бы, проще простого разыскать человека в городе, если известны адрес и номер телефона, если заранее знаешь, что человек этот на пенсии и, следовательно, у него уйма свободного времени. Но не тут-то было! Целый день набираю телефон 24-22 — молчит! Наконец вежливый мужской голос отвечает:

— Ольга Михайловна в Институте усовершенствования учителей.

Институт:

— Ольга Михайловна в девятой школе.

Девятая школа:

— Недавно ушла от нас в третью школу.

Третья школа:

— Ольгу Михайловну к телефону пригласить не можем: она на пионерском сборе.

Вечером:

— Ольга Михайловна на партсобрании.

Еще раз вечером:

— Ольга Михайловна в театре.

И, наконец, голос самой Ольги Михайловны:

— Вы кем из моих подопечных интересуетесь? Ах, Катей Усановой? Ну, так пойдемте к ней — у нас как раз занятия.

Ольга Михайловна! Синие веселые глаза, вздернутый нос, хорошая, с лукавинкой усмешка — очень простое, доброе русское лицо. В мягких русых волосах ни одной ниточки седины, голос совсем молодой и звонкий, походка быстрая и энергичная. А ведь ей по паспорту 65 лет! А ведь она сорок четыре года работала учительницей начальной школы, сорок четыре года давала ребятишкам то, что им необходимо, как солнце, как молоко и как хлеб: любовь к книгам, к людям, к животным и птицам. К честности и справедливости. Любовь к Родине. Нет, она не устала — от этого не устают. Просто подошли годы, и однажды она встала, причесалась и, силясь унять непрошеную тоску, сказала себе вслух строгим учительским голосом:

— Ну, нечего раскисать! Все уходят на пенсию. Буду заниматься домашним хозяйством. Вот сейчас на рынок пойду.

А ноги, привыкшие каждое утро ходить по одной и той же дороге, сами привели ее к школе.

Вот ведь беда какая! А впрочем, какая же беда? В школу-то ведь все равно надо ходить: вот книги в библиотеке не в порядке, почему же не привести их в порядок на досуге? С ремонтом что-то затянулось — того и гляди, не поспеет спортивный зал к началу учебного года. А Ольге Михайловне адреса родителей хорошо известны, и время есть. Походила по старым адресам, набрала целую бригаду родителей-строителей и сама вместе с ними ремонтировала спортивный зал.

Однажды вечером ребятишки пришли:

— Ольга Михайловна, ничего, что вы на пенсии, а мы вломились? Наверное, в нашем задачнике ошибка? Даже у отличников ответы не сходятся!

Сначала из своей, из третьей школы ребятишки приходили, а потом со всей улицы повадились. Повадились — и хорошо!

Потом позвонили из Института усовершенствования учителей, пригласили работать общественным инспектором. Очень хорошо! И вот ходит общественный инспектор Ольга Михайловна Морозова с коллегами в девятую школу и очень огорчается: школа эта с продленным днем, дело новое и совершенно необходимое, а учебная и воспитательная работа там поставлена из рук вон плохо. Надо ходить до тех пор, пока дела не пойдут на лад. Ребята третьей школы избрали Ольгу Михайловну почетным пионером. Она очень активный и дисциплинированный пионер: ни одного сбора не проходит без нее, и все, что до сбора происходит, тоже с ней.

Вот поди-ка застань такого человека дома, хоть он и пенсионер! Но застают, кому надо. Однажды позвонили из горкома, попросили заняться с Катей Усановой. Ольга Михайловна, узнав о Катиной судьбе, тут же отмела всю трагическую сторону:

— Что за чушь! Взрослая девушка и... неграмотная! Ну и что ж из того, что болела? У нас же обязательное обучение! А ну-ка, Катя...

И вот я сижу в маленькой теплой Катиной комнате. Зеленые обои, зеленое покрывало на аккуратнейшей кровати, хорошая репродукция на стене. Ольга Михайловна, как опытный лоцман, ведет Катю по коварным рифам грамматики:

— Как пишется слово «сноп»? А у слова «дуб» что на конце? Какое правило мы в прошлый раз учили? Катя, думай, не говори наобум!

Потом Катя размещает кроликов по клеткам и решает, сколько было зайцев, если их вдвое больше, чем волков, а волков на четыре меньше, чем белок.

Катя очень старается. От напряжения ее лицо становится таким же задумчивым и милым, как и у всех ребятишек на трудных уроках арифметики. Два месяца Ольга Михайловна прозанималась с Катей, и Катя уже заканчивает второй класс. За высоким, выпуклым ее лбом — пытливый ум, не тронутый болезнью. А ее желание учиться мало назвать желанием — это как жажда и голод. И Катя не совсем еще верной рукой густо исписывает одну за другой толстые тетради в линейку и в клеточку. И горит перед ней ее собственный маяк — вечерняя школа и комсомол, маяк, зажженный еще в одном человеке неугомонной нашей Ольгой Михайловной.

— Ну, за мной-то все еще впереди. А вам следует познакомиться с Лебаковой, инструктором горкома партии, она много хорошего сделала для Кати,— говорит Ольга Михайловна, когда мы идем домой.

Эльза Робертовна Лебакова, молодая женщина с университетским значком на отвороте жакета, отрицательно качает головой:

— Я ведь всего-навсего уладила ее учебные дела. Почему мы попросили Ольгу Михайловну? Видите ли, заниматься с Катей не просто. Здесь нужен не только педагогический опыт. Человечность нужна. И настойчивость. Мы до Ольги Михайловны уже пригласили одну учительницу, не получилось у нее. Вот тут-то я вспомнила выступление Ольги Михайловны на одной конференции, очень непримиримое выступление. Именно горячий и непримиримый человек должен быть рядом с Катей. Вы ведь знаете...

Да, я знаю. Видела в Катиной тетради стихи о... розе-Христе, о том, что в нем спасение. Приходит женщина в темном платке по Катину душу, пишет в тетрадь эти стихи, нелепые, безграмотные. А за ними, на том же листке тетради,— горячая, запальчивая отповедь Ольги Михайловны: нет бога! Есть могучий ум человеческий, есть стремление к знаниям, есть доброе и бескорыстное отношение людей друг к другу. Поучиться бы вам надо, безграмотные вы люди! Не к выдуманному злому и мстительному богу Катина дорога, а к нам, к нашим знаниям, к нашему сердцу!

Так написала Ольга Михайловна своим четким учительским почерком на страничке, испятнанной юродствующими стихами о розе-Христе.

— Да, да,— радостно говорит Эльза Робертовна,— не просто хороший человек, а непримиримый, настоящий коммунист Ольга Михайловна! Для Кати много хорошего сделал и наш сотрудник Анатолий Захарович Марочкин.

— Я? — удивляется Анатолий Захарович.— Нет же! Это Николай Оттович Югансон, секретарь горкома: он комнату для Кати нашел. Ну, а на работу мы ее вместе с Ниной Николаевной Оттер устраивали. А Нина Николаевна... В общем, Катя — это дело ее сердца. Вот с Ниной Николаевной познакомьтесь.

Высокая, темноволосая, с яркими глазами и красивым, мягким голосом — вот какая Нина Николаевна.

Когда Нина Николаевна познакомилась с Катей и узнала обо всех мытарствах семнадцатилетней девочки, она сказала:

— Слушай, Катя! Ты будешь здорова, будешь учиться и работать, как все. Я тебе обещаю.

И она знала: отныне не будет ни покоя, ни счастья в семье, пока она не выполнит все, что пообещала этой девочке.

А назавтра наткнулась на замкнутые круги, в центре которых прятались бюрократизм, равнодушие, леность.

Как получить Кате паспорт, если ни одна бумажка не подтверждает ее существования на земле? Как получить Кате пенсию, если она не имеет ни того же паспорта, ни той же прописки? И как устроить Катю на работу, если она и ходит и говорит с трудом?

В отделе социального обеспечения с Ниной Николаевной разговаривали так, что будь на ее месте другая женщина, может, сразу бы и отступилась. Но перед Ниной Николаевной Катины глаза, полные такого ожидания и такой надежды, что леший с ними, с этими чиновниками из собеса! Найдутся и без них человечные люди.

И Нина Николаевна идет в горком партии, попадает к Анатолию Захаровичу Марочкину. А дальше мы знаем: Катя получает комнату. Маленькую, с балконом, в деревянном доме у входа в большой парк.

Потом Нина Николаевна идет в отделение милиции. Снова к безжалостным женщинам в собес. В поликлинику. В министерство, в управления, в конторы: ищет Кате работу полегче.

И каждым шагом своим спорит с бабками в черных платках. Ловят бабки Катю на улицах, уговаривают:

— Иди к нам! Книги — от сатаны. Кино — от сатаны. Врач тебе не поможет, бог поможет. К святому крещению готовься.

Нина Николаевна ничего не говорит. Она приносит Кате паспорт. Приносит ордер на комнату. Провожает в первый день на работу. Водит Катю в больницу. Ходит с ней в кино и на концерты. Показывает первые буквы в азбуке и первые цифры в задачнике. Каждым шагом доказывает:

— Катя, ты нужна людям! Они с тобой, они твои друзья, они тебе помогут!

И с каждым шагом возвращает к жизни больную девушку, чуть не ставшую жертвой теней из старого, злого мира.

Кто же такая Нина Николаевна? В прошлом москвичка. Теперь живет в Таллине, замужем за эстонцем, столяром Арнольдом Оттером. Работает приемщицей в шляпной мастерской. Очень любит сынишку и мужа. Очень много читает, любит литературу, пишет сама и ходит на занятия литературного объединения при Союзе писателей. Страшно занята — как все. Совсем обыкновенная советская женщина: сколько таких живет рядом с нами!..

А Нина Николаевна говорит:

— Паспорт, комната, работа — все это так. Но ведь лечит-то ее, возвращает к жизни Айно Бремс, врач поликлиники Центрального района...

Катя каждый день ходит на процедуры, дома у нее есть маленький станочек для гимнастики, и она строго и точно выполняет все, что говорит врач.

Вот и сбылось то, в чем поклялась себе Нина Николаевна: Катя работает, Катя учится, Катя выздоравливает.

Вот и кажется, что, как в сказке, цепочка нечаянных добрых случайностей. Случайностей ли? Нет! Это по доброму закону «Человек человеку — друг, товарищ и брат» каждый из тех, о ком здесь рассказано, отдал Кате кусочек своего сердца.



В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ



Фото Л. БОРОДУЛИНА.

ГОДА

Этот снимок сделан в последние дни только что ушедшего старого года. Вы видите группу девушек из бригады Веры Тютюркиной. Они участвовали в сооружении еще одной мощной домны — Новолипецкой.

Горячее то было время! Домна готовилась ко дню своего рождения. Один за другим испытывались различные сооружения и агрегаты. 17 декабря мощная печь была поставлена на сушку. И уже близок день выдачи первого чугуна...

Рассказ наших корреспондентов о том, как строилась домна в Липецке, читайте в одном из ближайших номеров журнала.



СМОТ

С. ОБРАЗЦОВ

Рисунки автора.

Чтобы все вам было понятно, дорогие читатели, нужно сперва объяснить, с чего это началось.

Несколько лет назад студия документальных фильмов предложила мне принять участие в создании фильма о Лондоне. Из трех тысяч метров великолепно снятой цветной пленки мне предстояло выбрать восемьсот, смонтировать отдельные эпизоды — то есть расположить их в определенном порядке,— положить фильм на музыку и, наконец, записать текст: рассказать зрителям о том, что они видят.

Я знал, что в кино сила факта очень велика. Потому что нет ничего убедительнее правды. Но никогда раньше я не думал, что работать над документальным фильмом так интересно!..

После «Лондона» я участвовал в работе еще над двумя короткометражными фильмами: «Китайский кукольный театр» и «Повесть о пингвинах». И снова получил огромное наслаждение от встречи с абсолютной правдой фактов.

Но во всех этих фильмах мне приходилось организовывать и осмысливать уже готовый материал. Снято все было замечательно, но к самому процессу съемки я не имел никакого отношения. Вот мне и захотелось поработать над документальным фильмом, так сказать, с самого начала. Тогда я подал заявку на фильм, темой которого должна быть любовь к природе, к окружающей человека жизни. Та самая любовь, которая рождает и науку и искусство.

Работая на студии, я подружился с режиссером и оператором Исааком Григорьевичем Греком и, подавая заявку, просил, чтобы он был моим коллегой и товарищем по работе.

Заявка моя пролежала безответно несколько лет и вдруг выплыла наружу! Студия документальных фильмов поручила нам с Греком работу над фильмом, и я написал тот самый сценарий, который вы можете сейчас прочитать, если вам интересно.

Съемки начались. Уже много метров готовой пленки лежат в круглых серебряных коробках, но куда больше осталось еще снять. Нам хочется, чтобы фильм был широким и разнообразным. Поэтому мы написали письма зарубежным кинематографистам с просьбой прислать для нашего фильма все, что они только могут. Очень хорошо снятые эпизоды уже пришли от кинематографистов Китая, Румынии, Польши, Венгрии, и мы горячо благодарим их за это...

Вот и все, что мне казалось необходимым сказать перед тем, как я начну говорить по существу.

Итак, первое, что должны будут увидеть зрители будущего фильма,— это два неподвижных внимательных глаза во весь экран. На фоне глаз — надписи. Название: «Смотрите!» — и фамилии тех, кто работал над фильмом.

Когда надписи кончаются, глаза оживают. Они смотрят на пробирку. Это ученый химик. Чей-то затылок, склонившийся над формулами. Другой ученый — физик. Подрамник с холстом. Художник пишет натюрморт. Руки со стамеской и молотком. Скульптор работает над деревом. Рука держит авторучку около зачеркнутой строчки стихов: поэт...

За кадром возникает голос чтеца:

— Почему человек становится большим ученым, художником, скульптором, поэтом? Чем отличаются эти люди? Талантом. А что такое талант? Умение увидеть то, что не увидели другие. Услышать то, что не услышали другие. Понять то, что не поняли другие.

Откуда берется такое умение? Где его источник? Его источник— это способность человека удивиться. Удивиться форме листа, цвету неба, полету пчелы. Удивиться и спросить самого себя: «Почему?» И захотеть ответить на этот вопрос. Химической формулой. Математическим подсчетом. Красками на холсте. Строчками стиха.

Дождь. Люди под зонтиками. Что тут удивительного? Мокро — и все. Но человек открыл окно навстречу дождю и обрадовался. И отдал свою радость нам. Помните? «Люблю грозу в начале мая, когда весенний первый гром, как бы резвяся и играя, грохочет в небе голубом»... Это Тютчев.

Другой человек остановился в изумлении перед дождем. И звуки дождя стали для него музыкой. Он отдал ее нам. Это был Дебюсси.

Прошел дождь. Перекинулся радужный мост. Не могли люди не удивиться радуге, потому что она разноцветна. Вот они — радуги Рафаэля, Пуссена, Врубеля, Левитана...

— Да разве дело в том, что радуга красива? — сказал ученый.— Удивительно другое. Удивительно, что радуга — это разложенный в каплях воды солнечный свет! Видите, на скатерти радуга от обыкновенной стеклянной подставки для вилок? Ну, а если сквозь стеклянную призму пропустить свет не от солнца, а от раскаленного железа? А от серы? От меди?.. Оказывается, каждый цвет — это химический элемент. Значит, можно пропустить через призму свет от любой звезды и узнать, из чего она состоит. Вот она, звездная ночь! Сколько поэтов и сколько ученых рождены этой ночью! Сколько стихов и романсов, сколько интересных открытий!..

Луна, покровительница влюбленных. Если луна да еще и соловей, так и не захочешь, а влюбишься... Только неизвестно, кому эта луна больше нужна — лирикам или физикам. Сколько глаз на нее устремлено! Сколько телескопов, спектроскопов, телеобъективов, кинокамер! Каждый кратер, каждая долина, каждая трещинка известны, всему даны названия. Жаль только, что нельзя увидеть Луну сзади: тылом она к нам никогда не поворачивается.

Значит, надо послать ракету. Пусть облетит Луну вокруг. Сфотографирует. И передаст нам фотографию по радио. Вот другая сторона Луны. Новые кратеры, новые горы, новые долины. Новые названия.

Влюбленным не астрономическая луна нужна, а обыкновенная. Та, что освещает руки, глаза, губы. Только откуда мы знаем, кто эти двое? Может быть, он художник, она астроном? Сейчас оба они поэты. Ведь поэт не тот, кто умеет подбирать рифмы, а тот, кто видит сердцем.

Звезда упала. Это всегда удивляло людей. Но если падает камень с горы, разве это удивительно? Он же тяжелый! Куда ему лететь, не вверх же! Конечно, вниз. Упал мальчик. Тоже не удивительно. Споткнулся и упал. Упал желудь. Упало яблоко... И вдруг человек поднял упавшее яблоко и что-то понял. Нашел! Открыл.

Открыл закон тяжести. Закон земного тяготения. Это был Ньютон.

А советские люди победили земное тяготение. Майор Титов записывал что-то, сидя в кабине своего фантастического корабля, а потом положил карандаш на воздух. И карандаш не упал, а повис ни на чем. И капли киселя не упали. Пришлось их собрать на пробочку, чтобы не маячили перед глазами.

Но чтобы увидеть удивительное, не обязательно всегда летать на небо. На нашей грешной земле тоже все удивительно. Тем более, что мечты о небе ведь на земле родились!.. Вот речная заводь. Эта тихая вода пришла издалека, от самого Валдая. Прошла всю Россию. Породнилась с Окой, Белой, Камой и разошлась десятками рукавов, чтобы пролиться в Каспийское море.

Это дельта Волги. Давайте затаимся. Удивительное само придет к нам. Вот оно плывет. Черная утка с плешью на голове. Лысуха! А это обыкновенный кряковый селезень. А это его бывшая возлюбленная,— теперь мать его детей. Отец в их воспитании не участвует. У людей, к сожалению, тоже иногда так бывает... Охотники, не прицеливайтесь! Во-первых, охота в это время года запрещена, во-вторых, здесь заповедник, а в-третьих, куда приятнее вместо ружья прицелиться «Зорким», «ФЭДом» или «Киевом». Вот какой чудесный снимок у вас получился бы. Видите?

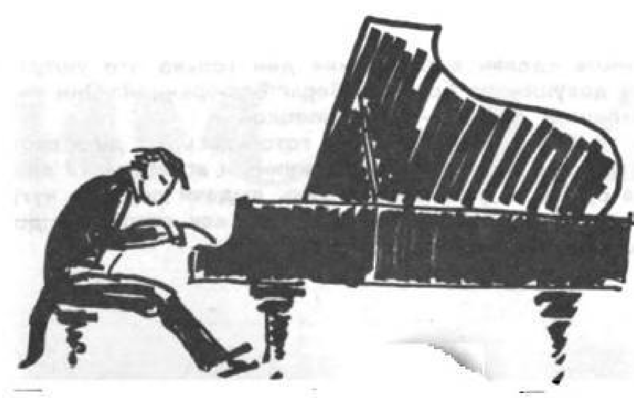
А теперь оглянитесь. Разве это не удивительно? Цапли. Если бы поменьше было легкомысленных выстрелов, цапли дружили бы с нами, как дружат аисты. Какие у них великолепные крылья! Сколько тысячелетий удивлялись люди полету птиц! Сколько тысячелетий завидовали! Мечтали. Летали во сне. В сказках, в легендах.

Более четырехсот лет тому назад Леонардо да Винчи, великий художник и великий ученый, рассматривал крылья птиц и рисовал схемы будущих летательных аппаратов. Ведь настоящий ученый — это не тот, кто много знает, а тот, кто предвидит знания. Видит вперед. Триста лет назад простой русский крестьянин сделал себе крылья из слюды и из замши. Он ничего не знал о Леонардо, но так же, как и он, завидовал птицам и мечтал о небе.

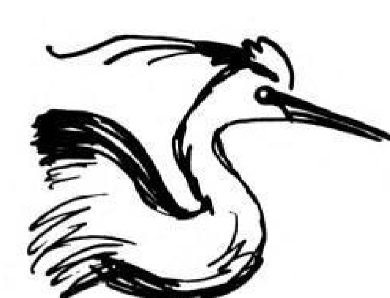
Летательный аппарат Леонардо да Винчи так и не был построен. Да он и не полетел бы. Ни слюдяные, ни замшевые крылья не удержали человека в воздухе. Он упал, и за обман его били батогами. Но оба мечтателя победили. Смотрите, как парит птица, созданная человеком!.. Человек-птица. Она обогнала мечты, обогнала стрелу, обогнала звук собственного полета.

Опять мы с вами забрались на небо! Ну что ж, придется снова приземлиться... Когда-то я просил вас оглянуться, и вы увидели цапель, а теперь давайте посмотрим вниз. Что это там, в воде?









РИТЕ!..



Рыба. Огромная рыба. Идет нерест. Смотрите, сколько рыб! Это осетры. Если когда-нибудь вам посчастливится увидеть нерест, вы это не сумеете забыть. Это великая стихия жизни. Это безмолвный гимн природы.

А это что? Тот же нерест, но только в аквариуме. Икра похожа на стеклянные шарики. Смотрите, как ухаживают за икрой рыбы-супруги. Родители будущего огромного потомства. У этих рыб есть настоящие друзья. Московские ребята. Они сделали все, чтобы рыбы начали метать икру. Позаботились о температуре воды, о воздухе, о фильтре. Не знаю, будут ли эти ребята ихтиологами, врачами или поэтами. Но что они будут талантливыми людьми, это обязательно. Они умеют удивляться.

А вот подмосковная дачница в черных солнечных очках загорает, сидя на пеньке. Знаете, что в ней самое удивительное? То, что ее, по-видимому, ничего не удивляет. Она думает, что любит природу и солнце. Неправда. Посмотрите на природу сквозь ее очки. Серо и скучно. А солнце ей нужно только для красоты ее кожи. Если бы эти же часы около этого же самого пенька, под тем же солнцем она провела, сняв очки, сколько удивительного она бы увидела! На расстоянии всего одного метра вокруг себя. Если, конечно, у нее не полностью атрофировалось чувство удивления.

На стебле травы сидит и умывается муха. Разве не удивительно? Совсем как человек. Муравьи тащат мертвого шмеля. Тоже удивительно! Шмель-то ведь в двадцать раз тяжелее, чем оба муравья. Значит, это все равно как если бы два человека тащили груз в три тонны!.. Рядом куст, на котором муравьи пасут стадо зеленых коров. Это — тли. На ночь «пастухи» загоняют их в муравейник, а днем пасут и доят, выжимая усиками сладкий сок. Ничего этого не видела дачница. Она давно ушла. Пенек пустой. Потому-то мы и смогли подойти сюда с киноаппаратом, чтобы снять то, что находилось в радиусе одного метра от загорающей дачницы.

Кузнечик. Не знаю, удивилась ли она ему, обрадовалась ли его стрекоту. Вряд ли. А вот китайский художник нарисовал кузнечика в клетке. Почему? А китайские ребята поймали кузнечика и посадили его в точно такую же клетку, какую нарисовал художник. Зачем?..

А вот зачем. Смотрите! По пыльной, выжженной дороге едет грузовик. В кабине шофер, перед ним клеточка с кузнечиком. Вот шофер этот действительно умеет любить природу и удивляться ей. Он поймал в клетку звук веселого лета, чтобы звук этот превратил его пыльную кабину в зеленый луг, в свежесть летнего утра.

У самого пня сидит лягушка. Наша дачница, конечно, испугалась бы ее и сказала: «Фу, какая противная!..» А что было бы, если бы младший брат этой дачницы прибежал к ней, неся в руке лягушку-жерлянку, чтобы показать своей сестре, какой удивительной красоты живот у этой лягушки?! Оранжевый с черными разводами! Сестра, наверное, сказала бы: «Брось, брось сейчас же! Это жаба. У тебя будут бородавки. Гадость какая!..»

Школу она окончила, а неграмотная. Дважды неграмотная. Во-первых, называет лягушку жабой, а, во-вторых, возводит на нее напраслину. Никаких бородавок от жаб не бывает и быть не может. Смотрите: вот я держу в руке жабу. А бородавок у меня не было и не будет. Да и стыдно называть жабу гадостью, когда она одно из самых полезных животных. Небось, эта девица утром клубнику ела, а не знает, что жаба целую ночь клубничные грядки охраняла. От слизняков и вредных насекомых. Так ее поблагодарить надо, а не говорить: «Фу, гадость!..»

Два ужа пересекают тропинку. Это мы их потревожили: они спали под кустом, на котором были тли. Хорошо, что девица в очках не видела ужей. А то она в лучшем случае начала бы визжать, а в худшем — стала бы их бить палкой. Может быть, так это и было: вот лежит убитый уж. Его убил либо просто злой человек, либо такой же неграмотный, принявший ужа за гадюку. Сколько раз я слышал: «Вы знаете, змея чуть меня не ужалила. Я даже жало видела». Снимите очки, милая девушка, и посмотрите внимательно, не бойтесь! Я держу ужа в руках. Видите? Это уж. Почему я знаю? Да потому, что у него желтые щечки. У гадюки вся голова черная.

А это не жало. У змей никаких жал не бывает. Они не жалят, а кусают, и это не жало, а язык. Пользуются они своим языком для осязания. Ползать-то им приходится в траве. Видно плохо. Вот они язык вперед и высовывают. У насекомых для этого усики торчат. Да и у мышей тоже, и у кошек. У многих. Только у стиляг усы для красоты, а у муравьев да кротов для дела. И нечего визжать, увидев язычок ужа. И нечего пугаться. А вот удивляться есть чему.

Смотрите, как ползет уж, как грациозны, как красивы его движения! Только поняв красоту движения змеи, мог создать китайский народ свой удивительный танец дракона.

Как жаль, что девушка-дачница была слепой среди красоты, нищей посреди богатства!

Ну ладно, если уж она ничего не видела, так хоть слышала, может быть? Уши-то у нее были открыты!.. Кукушка. Это она, конечно, услышала! И даже рассердилась за то, что та прокуковала всего сорок два раза; нужно было сто!.. Ну, а видела ли она хоть раз кукушку? Вряд ли. А знает ли она, что это самец кукует? Поет. Как поет самец зяблика или пеночки. Думаю, что не знает. Не любопытна она. Обидно! Неужели не хочется ей узнать, что это за птица поет каждый день вот на дереве? Зяблик. А кто это тенькает? Синица-лазоревка. А это что? Короткий свист, будто кто-то зовет кого-то; и вдруг сразу резкий шершавый звук, будто огрызнулась кошка или пилой дернули по картону. Это что, разные птицы? Нет, одна и та же! Не поленитесь, проследите за ней. Затаитесь за кустом или деревом. Да не забудьте снять очки! Смотрите: иволга. Какой она изумительной красоты! Оранжево-золотая с черными крыльями. Теперь вы всегда будете знать, кто это перекликается в лесу короткими посвистами.

А это чей голос? Варакушки. А это? Соловей. «Слыхали ль вы за рощей глас ночной певца любви, певца своей печали?..» Соловьиные ночи под Москвой. У самой дороги поют. Даже автомобильных фар не боятся. И сколько их! Жаль, некогда нам с вами считать. Наверняка голосов пятнадцать, а то и двадцать перекликаются.

А почему соловьиная трель звенит в магазине? И какая великолепная! Это человек покупает пластинку, на которой записаны птичьи голоса. Купите и вы. Веселее будет ходить по лесу, будете знать птиц по голосу. И птицы станут для вас друзьями, знакомыми.

Вот этот человек, что собрал коллекцию птичьих голосов, устанавливает микрофон, чтобы записать новую песню. Выследил: на этой березе поет овсянка. А в этом кусту — пеночка. И запоют они в комнате, на патефонной пластинке.

Слышите? Только теперь это не пластинка. Это настоящая пеночка. Хозяин комнаты — рабочий, слесарь. Ему мало тех отпускных недель, которые он может провести в лесу под Клином, где живут его родные. Вот он и взял природу из леса взаймы.

Смотрите! Сколько клеток с птицами. Два щегла, щур, клест, пеночка, канарейка. А рядом на окне цветет герань.

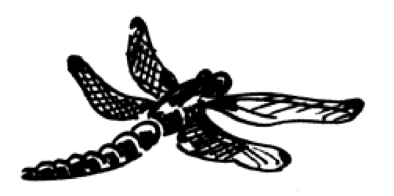
Кто это придумал, что герань, гитара и канарейка — признак мещанства? Знаете, кто? Аристократы. У них были клавесины, пальма и попугай. Нет, герань, гитара и канарейка—это не мещанство! Это поэзия рабочих поселков. Сколько первомайских маевок украсила гитара! Сколько чудесных народных рабочих песен она создала! Сколько радости давали людям и герань и канарейка! Взять красоту взаймы у природы — это поэтическая страсть. Как же можно назвать ее мещанством?

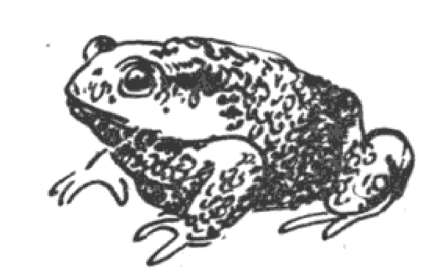
А это что? Это современная Москва. Что здесь происходит? Конкурс на лучшую песню канарейки. Вот жюри. Хозяин канарейки ставит клетку на стол. Если в течение десяти минут канарейка не запела, ее дезавуируют. Снимают с конкурса. Обидно, конечно. Но бывает это редко. Обычно песня раздается в первые же секунды. Теперь надо следить, сколько колен у этой песни, какова чистота звука.

Я спросил у судьи: «Скажите, а вот эта канарейка — почему она не получила никакой оценки? Она не поет?» Судья даже рассердился: «Поет! Только «что»? Одно дело — Шаляпин, а другое — сельский дьякон». Судья был прав. Я понял это, когда услышал песню победителя конкурса!

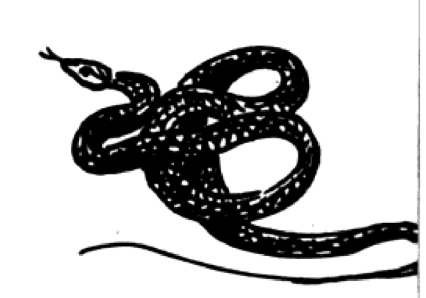
Голуби в небе... Многие даже на такой высоте узнают породу каждого. И я узнаю, потому что все детство дружил с голубями. Впереди чистые. Замечательные летуны. А вот видите — один в полете кувыркается. Это турман. Я вам покажу его близко. Монах чернохвостый. А это монах красный. Останкинские белые. Новая порода. Знаменитые голуби мира. Дутыши. Почтовые, призовые. Это победитель на сотни километров. Чемпион. Простые сизари. Когда-то дикие скалистые. Друзья сотен горожан, и больших и маленьких.

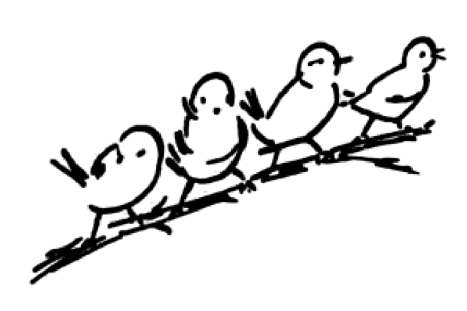
Лебеди в городском пруду. Среди людей, лодок, весел, музыки. Ничего не боятся. Не ждут от людей ни зла, ни опасности.

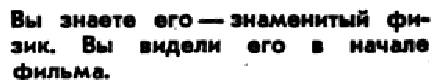
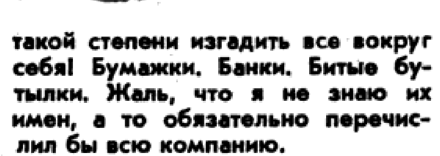










Зачем они нужны людям? Зачем эти канарейки, голуби, лебеди? Почему так радовались москвичи, когда на площади Свердлова поселился соловей? Почему так приятно кормить в городском парке совсем ручную белку? Почему мальчик просит: «Мама, я хочу котенка!..»?

Знаете, почему? Десятки тысяч лет жил человек среди скал, полей, леса — среди зверей и птиц. И сейчас, когда в городе он оказывается только с самим собой, ему становится просто невмоготу! И тогда он зовет природу — деревья, цветы, птиц, животных. К себе, в город зовет. На улицы, на площади, во дворы, в дом, в комнату. Что это — атавизм? Отживающий условный рефлекс? Нет. Это органическое стремление ощущать себя частью огромного и прекрасного целого, имя которому — жизнь.

Да, он человек. И птица ему не сестра. И щенок не брат. А все-таки они и сестры и братья по жизни, по небу, по земле... Помните, у Есенина: «...и зверей, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове»... Скажете: «Мало ли что поэт придумает!» Нет, это не поэт придумал. Это народ придумал.

Кто лисицу сестрицей назвал? Кто телку дочкой кличет? Кто называет любимого голубем, голубчиком? Кто смелого называет соколом? Кто девушку называет ласточкой?..

А сколько сотен лет человек собаку называет другом? Да она, и действительно, из всех зверей — первый друг человеку. Она добывает ему пищу. Она охраняет его стада. Она ходит в упряжке. Она отдает человеку свою кровь, свое тело, свое сердце. Чтобы он научился спасать себя от болезней. Она первая отправилась в космос. И погибла, чтобы не погиб человек.

Вот памятник собаке, который поставил великий физиолог Павлов. Герой-космонавт Юрий Гагарин предложил поставить памятник Лайке. И я уверен, что такой памятник будет поставлен.

Смотрите, как красивы собаки на Всесоюзной выставке. Сеттеры. Европейские овчарки. Украинские овчарки. Русские борзые... А этого красавца добермана зовут Джим. Так же, как прославленную Есениным собаку Качалова. Помните? «Дай, Джим, на счастье лапу мне. Такую лапу не видал я сроду. Давай с тобой полаем при луне на тихую бесшумную погоду...»

Глядите! Дал лапу! Как тот Джим. Спасибо! Тебе тоже, небось, хочется на луну полаять? Ну что ж, полай! Я бы с удовольствием составил компанию, да некогда. Мне надо дальше фильм показывать.

А эти смешные собачонки чем хороши? Охотиться не могут, сторожить — тоже. Но их хозяйки, эти две старые женщины, не для корысти их завели. А просто для дружбы. Нет у нас прав осуждать их за это.

Мальчишка ест мороженое и щенка угощает. Знатоки породистых собак, не презирайте щенка за то, что он дворняжка! Среди самых знаменитых и самых прекрасных собак мира, сделавших много добра человеку, не так уж мало дворняжек. Вспомните Каштанку Чехова. Сколько добрых, очень нужных слез пролили миллионы ребят, читавших о дружбе мальчика с беспородной собачонкой! А тургеневская Муму?!. Какая большая трагедия крепостного человека раскрылась в любви Герасима к этому щенку.

Нет в мире сейчас более знаменитых собак, чем собаки-космонавты Лайка, Белка, Стрелка, Звездочка. А ведь все они дворняжки! Дружи, парень, со своим беспородным щенком, дружи! Ничего, кроме доброго, от этой дружбы не будет.

Ветеринарная лечебница. Зачем ветеринар перевязывает лапу грачонку? Почему с такой тревогой следит за этим мальчик? Стоит ли тратить время и бинт на этого птенца? Что это, породистая курица? Или какаду? Выбросить его на помойку, и все.

Нет, стоит тратить время и бинт! И вовсе не только из-за птицы, а из-за мальчика. Он любит этого грачонка! А с любовью надо обращаться осторожно. На помойку любовь не выкидывают!..

Да кроме того, грач — птица вовсе не бесполезная. Видите, сколько грачей идет за трактором? Что они там разыскивают? Личинки насекомых. Врагов хлеба насущного. Трудно найти лучших помощников в борьбе за урожай, чем эта бригада черных птиц. Вот их поселения. Представляете, сколько надо натаскать личинок и гусениц, чтобы накормить такую ораву детей?! А эти выпали из гнезда. Их пожалела женщина и кормит. Через месяц крылья у них окрепнут, и грачи улетят.

Не только птенцов приходится подкармливать. Смотрите, сколько синиц едят из этой кормушки. И снегирь и даже дятел. А кто это подсыпает корм в кормушку? Вы знаете его — знаменитый физик. Вы видели его в начале фильма.

Зимой птиц непременно надо кормить. Синицы потому и прибиваются зимой к огородам, садам и скверам, к поселкам и городским дворам, чтобы найти пищу. Голодно зимой. Девять синиц из десяти погибают от голода. Не жалейте дать им в долг сухарей, проса, вареного картофеля. Они вернут вам этот долг весной, уничтожив миллионы насекомых. Тех самых, что вредят и хлебу и картофелю.

Ребята вешают дуплянки. Молодцы! Женщина подобрала и выкормила эту ланку. Тоже молодец!

Лоси. Их давно не было бы, кабы не закон, прекративший избиение этих прекрасных животных. А ведь лось может быть и помощником человеку! Может и возить и пахать.

Сайгаки. Еще немного лет — и они могли бы совсем исчезнуть с лица земли. Советские люди взяли их под защиту. Теперь сайгаков много тысяч. Это сайгачий ребенок. Прижался к земле и думает, что его не видно. Он ведь не знает, что у киноаппаратов есть телеобъективы. Все-таки испугался. Да и других напугал. Вон как несутся по ковыльной степи! Словно смерч!..

Зубры. Знаменитые зубры знаменитой Беловежской пущи. Потомки быков, которых рисовали пещерные люди на каменных стенах своих жилищ. Зубров охраняет закон и сохраняет забота зоологов, ветеринаров, объездчиков.

Эти леса тоже охраняются законом. Тысячи лет бездумно рубили люди лес. Превратили в пустыни огромные пространства. Спросите писателя Леонида Леонова. Он вам расскажет о всемирной трагедии леса. Эту трагедию можно остановить, исправить! Надо сажать лес! Сажать деревья где только можно!

Каждую весну и каждую осень по всей нашей стране, по всем городам и поселкам люди сажают деревья. Вот они — друзья природы, друзья деревьев, советские ребята.

А кто изуродовал саженец? Кто этот человек? Я не знаю его фамилии, но знаю, что у него нет завтрашнего дня! Он бездарен. Он лишен мечты. Для него это не будущее дерево с великолепной кроной, а только палка.

А вот здесь сидели люди. Они, вероятно, думали, что «были на природе». Неправда! К природе они не имеют никакого отношения. Разве могли бы они иначе до такой степени изгадить все вокруг себя! Бумажки. Банки. Битые бутылки. Жаль, что я не знаю их имен, а то обязательно перечислил бы всю компанию.

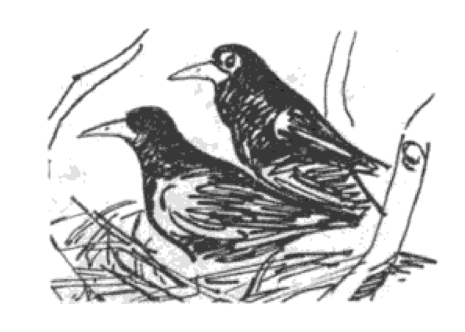
Хорошо, хоть не заметили они гнезда на соседнем кусту, а то непременно разорили бы. А в гнезде как раз происходит удивительное и торжественное событие. Выклевываются птенцы. Новые жители веселого леса. Нет, попалось-таки им гнездо на глаза! Только другое. Всего в двух метрах от первого. Вот убитый птенец. Уже оперился. Скоро полетел бы, да не пришлось. Нет, до чего все-таки обидно, что не знаю я, кто это сделал!.. А вот убитый лось. Люди, узнавшие, что мы снимаем фильм о природе, сообщили нам об этом убийстве. Оператор выехал и снял. А через неделю выяснилось, что человек, который сделал это преступление, обнаружен. Его будут судить. Вот он. Встать! Суд идет!

Дохлая рыба в воде. Еще одна, и еще. По существу, это тоже убийство. Сознательное. Ядовитые отходы завод спускает в реку. Директор просил не называть его фамилии. Сказал, что теперь это безобразие прекратится. Посмотрим! Только это ведь не просто безобразие: это преступление.

А вот эти браконьеры вовсе не скрывают своих имен. Наоборот. Они хотят, чтобы все знали, что это дерево обезображено Володей и Валей. А на этом столетнем грабе вырезано: «А. И. Переходов 5/6 1958 года». Переходову нужна слава! Нужно, чтобы все знали, что он существует. Ну вот и получайте ее сполна, гражданин Переходов!

Заводская труба. Дым. Сажа. Да не простая, а со всякими ядовитыми примесями. Ею покрылись улицы, трава, деревья. Она проникает в уши, нос, рот. Она проникает в легкие. Директор завода оправдывается. Он ежегодно платит штраф за это безобразие. Двести тысяч. Это правда. Только деньги-то ведь не его, а государственные! Выходит, государство само себе штраф платит. А вот оштрафовали бы самого директора всего на двести рублей! Сразу поставил бы сажеуловитель. И знаете, что тогда было бы? Не сажей покрылись бы деревья, а цветами!

Видите, какая сирень? Ее вывел знаменитый садовод Колесников. Вот он. Со своими друзьями. Ребята продолжают его поэтическую профессию. А это — колесниковская сирень в самом центре Мо-



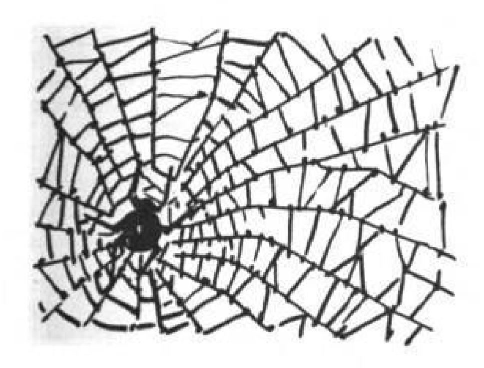
И. **Шишкин.** ЗИМА.

Государственный Русский музей.

А. **Степанов.** ЛОСИ.

Государственная Третьяковская галерея.

И. Шишкин. ИНЕЙ. Киевский государственный музей русского искусства.



сквы, на площади Свердлова. Это в ней запел однажды соловей! И это тоже колесниковская сирень — в самом центре Кремля. В центре мира.

Тюльпаны в садах и парках Москвы. Их создали ученые-садоводы. Их создали поэты. Зачем? Какая практическая польза от цветов? Никакой. Кроме красоты.

Но красота — это полезно! Это очень полезно! Без красоты не может жить человек. Разве что нищий духом.

Красоту и удивительность природы человек превращает в красоту и удивительность искусства, красоту жизни. Украинская печь. Ее разрисовала простая крестьянка. Разве эти прекрасные цветы могли бы родиться, если бы не полюбил, не удивился бы человек цветам, что растут в лесу, в поле, в саду? Поле маков. И маки на девичьей юбке. А вот цветы Коровина, Кончаловского, Ренуара, Гогена, Сарьяна.

Смотрите: опять пень. Обыкновенный пень. Вглядитесь. Оказывается, он похож на старика. Вот и произошло то, что называется творчеством. Произведение природы превратилось в произведение искусства. Скульптор Коненков увидел в коряге лебедя. И коряга стала живой. Китайский народный скульптор превратил этот корень в быка. Русский крестьянин сделал из двух шишек лесовиков, а болгарские девочки из початков кукурузы мастерят кукол. Это — тоже искусство. Это — настоящее искусство, только здесь — его колыбель, его семена. А вершины — в произведениях великих мастеров.

Ребята сидят на косогоре и смотрят на дальний лес. За плечами мешки. В мешках соль, спички, крупа, консервы и хлеб. На два дня. Очень хочется узнать, что там, за дальним лесом. Говорят, теплый ключ бьет, а под речным обрывом — аммониты. Они мечтатели, эти ребята. Мечтатели и поэты. Значит, поход будет длиться не два дня, а двадцать лет! Ведь это и есть то самое поколение, которое войдет в коммунизм.

Давайте заглянем в их лица. Счастливый путь, ребята!..



Четыре интервью

НОВЫХ ВЫСОТ ВСЕМ ВАМ!

ЛУЧШЕ ШТАНГА, ЧЕМ СЕЙФ

Юрий ВЛАСОВ,
чемпион XVII Олимпийских игр

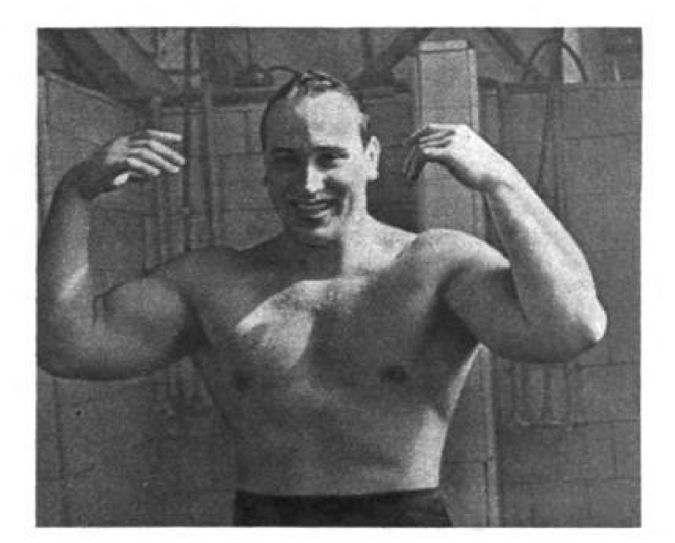
Больше всех поздравлений меня обрадовало одно письмо из Рязани. Пожилой рабочий рассказывал о спортивных успехах сына. Прежде парень пошаливал, мог вернуться домой поздно вечером да в придачу еще навеселе, а утром его не подымешь на работу. «Но однажды,— пишет мой корреспондент,— я услышал от сына, что он хочет быть сильным, как Юрий Власов. Действительно, начал тренироваться и бывших дружков своих потянул в спортивный зал. Теперь они не пьют, хорошо работают...»

Велика целебная сила спорта. И каждый раз, когда я узнаю об этой силе, я рад тому, что взялся за многопудовую штангу.

То, что тяга к штанге среди нашей молодежи велика, как никогда, это очень хорошо. Плохо то, что нам не хватает квалифицированных тренеров. Спортсмен-разрядник, будь он инженером, агрономом, врачом или историком, вполне может возглавить секцию новичков.

В заключение хочу ответить на многочисленные вопросы относительно моих планов в новом, 1962 году.

По всей вероятности, это будет не совсем обычный год. Нам, советским штангистам, придется выступать на чемпионате мира в цитадели американской тяжелой атлетики — городе Йорке (штат Пенсильвания). Американцы надеются, что им удастся выставить против меня своего «парня-чудо» Поля Андерсена. Правда, Поль Андерсен стал профессионалом и не имеет права официально участвовать в чемпионате любителей. Но неофициально он, наверное, захочет показать свою силу. Ведь еще в сентябре 1960 года он прислал мне в Рим вызов «встретиться на помосте в любом уголке земного шара».



Кое-кто в западных спортивных кругах давно проявляет нездоровый ажиотаж вокруг возможной встречи Власова и Андерсена. Говорят, Андерсен освоил много замечательных трюков: поднятие сейфов с долларами, быков и чуть ли не слонов. На этом поприще я без боя уступаю лавры Полю. А вот в тяжелоатлетическом троеборье — жиме, рывке и толчке — я с ним готов поспорить. Если эта встреча произойдет, то, конечно, американский кумир будет самым сильным из всех соперников, с которыми мне когда-либо приходилось состязаться. Ну что ж, тем интереснее! Готов ли я к этому? Да, готов.

Итак, Йорк — Пенсильвания — США. 1962 год.



ОТСТАЕТ ПОКА МАШИНА

Михаил БОТВИННИК,
чемпион мира

В 1962 году на Антильских островах будет большая шахматная битва. Кто там победит? Советский гроссмейстер или молодой американец Роберт Фишер?

В Болгарии наша олимпийская команда будет защищать звание чемпиона. Здесь волноваться вряд ли придется: один Фишер в командном соревновании не воин!

Молодая Нонна Гаприндашвили будет оспаривать звание чемпионки мира у Елизаветы Быковой. Здесь советские шахматисты должны сохранять нейтралитет.

Хотелось бы пожелать, чтобы год 1962-й содействовал появлению в нашей стране новых юных талантов. И, быть может, такой талант завоюет звание чемпиона мира среди юношей?

Таковы мои пожелания советским шахматистам и шахматисткам. А вот и пожелание неодушевленному советскому шахматисту — счетно-решающей машине: желаю ей в 1962 году получить квалификационный билет шахматиста 1-го разряда.

Что же пожелать моим товарищам спортсменам? Валерию Брумелю — новых высот, Тамаре Пресс — новых бросков, советским футболистам — тех же успехов на «спектаклях», что и на «репетициях»...

С Новым годом, товарищи спортсмены!

ДВЕ МЕЧТЫ

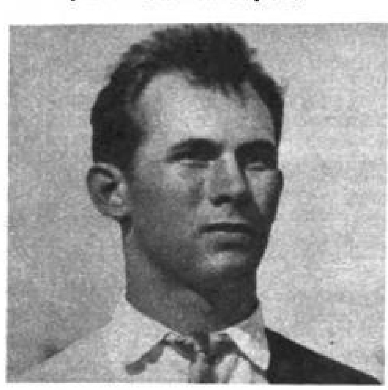
Валерий БРУМЕЛЬ,
рекордсмен мира

Конечно, приятно получать новогодние подарки. Но иногда приятнее делать их самому себе.

Вот один из них: зачетная книжка института физкультуры, где я учусь. В ней только хорошие отметки. Даже в графе «химия». Теперь меня уже не посадят в «долговую яму» академических задолжников, в которую я чуть было не угодил после исключительно напряженного летнего сезона.

Хотя я легкоатлет, но больше всего люблю атлетику тяжелую. Поэтому-то с таким удовольствием я наблюдаю всегда за соревнованиями силачей. Вот почему мне было бы очень приятно узнать, что Юрий Власов выжал 190, рванул 160, а толкнул 212 килограммов. Это, конечно, пока что утопия; но почему бы не помечтать![1]

А сам я мечтаю о том, чтобы преодолеть планку на высоте 2 метра 30 сантиметров.



[1] В тот день, когда этот номер уже был готов к выходу в свет, из Днепропетровска пришло сенсационное сообщение: Юрий Власов, выступая на первенстве СССР, выжал 180 килограммов, поднял в рывке 160 килограммов и толкнул 210,5 килограмма. Таким образом, установлен новый мировой рекорд. Мечта Валерия Брумеля на наших глазах становится явью!.. (Ред.)



ГВОЗДЬ И ЛЕД

Виктор КОСИЧКИН,
чемпион Европы

На чемпионате мира прошлого года в шведском городе Гетеборге лавровым венком был увенчан голландец Ван дер Грифт. Блокированный журналистами, он еле успевал отбиваться от них. Чаще всего нового чемпиона мира спрашивали о том, как ему удалось добиться успеха. Тогда Ван дер Грифт полушутя-полусерьезно ответил:

— На Новый год я получил среди различных подарков большой гвоздь. Человек, вручивший мне этот скромный презент, сказал: «Теперь тебя ничто не может остановить на пути к титулу чемпиона мира — гвоздь есть, не хватает лишь лаврового венка».

Хотя все это Ван дер Грифт и рассказывал в шутку, но доля правды в ней была. Уже за несколько месяцев до начала состязаний на первенство Европы и мира сильнейшие скороходы начинают запасаться гвоздями. Не теряю надежды, что потребуется гвоздь и мне.

Есть у меня еще одна мечта. Я очень люблю хоккей. В 1960 году, находясь на зимних Олимпийских играх, я был одним из самых крикливых болельщиков нашей команды. Мне не удастся увидеть розыгрыш первенства мира по хоккею с шайбой в далеком американском городе Колорадо Спрингс. Но мне очень хотелось бы, чтобы наши ребята добились на американском льду успеха.

Сентиментальный репортаж

Ц. СОЛОДАРЬ

Рисунки Ю. Черепанова.



1. Воскрешение традиций

Предпоследний день уходящего года.

Сашу Кроткова, молодого, многообещающего журналиста, вызвал главный редактор и...

«О! Все заранее известно,— разочарованно воскликнет иной нетерпеливый читатель.— Сейчас, как водится, последует традиционный новогодний сюрприз для положительного Саши».

Что поделаешь? Как ни стремился автор к оригинальной, интригующей завязке, но Саша действительно прибежал домой с исстари описанным в литературе видом счастливца.

— Получил крупное задание! Художественный, ну, точнее, очерковый репортаж о первых минутах Нового года!

Мама, отбиравшая чернослив для праздничного пирога, традиционно прослезилась. Но остальные родственники — далеко не традиционно! — заспорили: о ком и о чем должен написать Саша свой репортаж.

— Я давний враг всего косного и застойного,— назидательно произнес патриарх семьи дядя Виталий.— Но есть обычаи, коими не должно пренебрегать. Святочный, простите, новогодний рассказ призван вызвать слезу умиления.

— Дядя Виталий, как всегда, прав,— заметила старшая сестра Саши.— Все будут писать о балах, елках, новосельях. А ты, Саша, с чувством опиши грустящего человека. Он тоскует по праздничному столу, по нарядной елке и даже, может быть, по любимому существу. Только вот где ты его найдешь?

— В нашем дворе,— уверенно ответил школьник Юрка. И, опасаясь, как бы его не прервали, затараторил: — В третьем корпусе! Тетипашина Тамарка! После десятилетки в проводницы пошла. Она всегда с Павелецкого уезжает. А вчера в булочной тетя Паша жаловалась: все настроение дочке бюрократы испортили...

— Какие бюрократы? — В Саше заговорил журналист.

— Из вагонного резерва. Тамарка на новогодний карнавал собиралась со своим, говорит тетя Паша, без пяти минут женихом. Костюм Пиковой дамы сшила. А ее в рейс услали! Ровно в двенадцать без десяти ее поезд будет на станции Лев Толстой. И пойдет на Москву!

Дядя Виталий прочувствованно обнял Сашу:

— Устами младенца глаголет истина, Александр! Догони вагон упомянутой Тамары. И с подлинной художественной правдой опиши, как в новогоднюю полночь пассажиры утешат ее и окружат вниманием. Твой репортаж будет документальным, детальным и, главное, сентиментальным. Смотри, мама уже рыдает!

Действительно, мама умилилась. Но тут неожиданно для всех...

«А-а, появляется традиционный злодей и приводит всех в ужас»,— скажет догадливый читатель.

Злодей не злодей, но известный своим скептицизмом муж сестры спросил Сашу:

— А ты хоть понимаешь, почему ответственный репортаж поручили вдруг именно тебе? Потому что никто из настоящих журналистов не хочет жертвовать встречей Нового года. Дошло?

Саша побледнел.

Думаете, его взволновал прозрачный намек на то, что он еще не настоящий журналист? О нет! До Сашиного сознания только сейчас дошла безотрадная истина: он не сможет встретить Новый год с Шурочкой!



2. Нарушение традиций

Под обыкновенным именем Шурочки автор вводит в повествование необыкновенно привлекательную линотипистку с такими доверчиво глядящими на мир глазами, что редакционный литературовед веско утверждает: именно так, а не иначе глядела на мир Наташа Ростова.

Для обострения конфликта кокетливой Шурочке полагалось бы вспоминать о бедном Саше не чаще, чем о твердом знаке в клавиатуре линотипа. Ошибаетесь! Наташа Ростова с комсомольским билетом решительно отвергла семь приглашений, чтобы встретить Новый год с Сашей. Она наденет воздушное платье из голубой ткани. А Саша уже вызубрил значительную фразу, которую экспромтом скажет Шурочке с двенадцатым ударом часов:

— Меня неожиданно озарила мысль: а почему бы нам все последующие сто лет тоже не встречать вместе?..

Увы! Экспромт не будет произнесен: все пошло кувырком из-за новогоднего репортажа.

Саша кинулся в коридор. Вызвал к телефону Шурочку. Объяснил, почему обязан провести новогоднюю ночь в железнодорожном вагоне. Он ожидал от Шурочки либо горячих упреков, либо холодно-

---

Рисунки Л. Самойлова.

Польские



Веслав БРУДЗИНСКИЙ

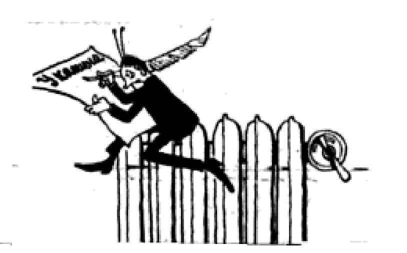
Судьбы писателей

Уймите, друзья, бесполезные чаянья,
Не ждите от критиков правды, коллеги.
Одних они чтят минутой молчания,
Других оделяют молчаньем на веки.

Мариан ЗАЛУЦКИЙ

Сверчок и цивилизация

Смешной сверчок мечтал
Лишь об одном-едином:
Любимое «свир-свир»
Петь ночью за камином.
Не мог привыкнуть, к сожаленью,
Он к паровому отопленью.





Януш КОНДРАТОВИЧ

Недоразумение

Поэт великий дремлет в моей душе издревле,
Но как его извлечь мне,— он где-то там, на дне?..
Что он поэт, я знаю, и знаю, что он дремлет,
Но он того не знает, что дремлет он во мне...

Станислав ЕЖИ ЛЕЦ

О лицемере

Силен в любом он варианте:
Хотите в «про», хотите в «анти».





Ян ЧАРНЫЙ

«Патриот»

Он всего себя отдал бы для народа!
Только без машины... дачи... огорода...

Жаль...

Жаль, что нет на Марсе
Ни одной газеты,
Я бы в них про Землю
Сочинял памфлеты..



ронических замечаний. Но девушка лишь произнесла:

— Может быть, мне придется набирать твой репортаж.

— А где, ну, точнее, с кем ты будешь встре...

В ответ Саша услышал тоскливый писк гудков.



3. Смешение традиций

Вечер был. Сверкали звезды. На дворе мороз трещал. Шел по рельсам пассажирский поезд Тамбов — Москва и остановился на станции Лев Толстой.

На нижней полке жесткого вагона, забившись в угол, сидел Саша. С нетерпением ждал он отправления поезда. Застучат колеса, и он без экивоков скажет своим попутчикам:

— Нашей радушной проводнице Тамаре всего девятнадцать лет. А не кажется ли вам, что она сейчас впервые в жизни встретит Новый год вдали от близких? Может быть, она даже мечтала в эти минуты танцевать на карнавале с тем, кто ей дорог, ну, точнее, кто ее любит...

И после этого, Саша был уверен, начнется именно то, что он должен был отразить в репортаже. Пассажиры, конечно, усадят Тамару на почетное место и начнут угощать вкусной снедью. Розовощекая женщина вручит Тамаре сочную гусиную ножку. Худощавый капитан, уже держащий наготове маленький патефон, спросит проводницу, какую пластинку хочется ей послушать в эту полночь. А черноусый экскаваторщик, ехавший в отпуск в Очамчире, поднимет кружку с кахетинским и торжественно обратится к Тамаре:

— Дорогая тезка несравненной исторической подруги славного витязя в барсовой шкуре! С этими маленькими стаканами, но с большим чувством провозглашаем тост за исключительную хозяйку нашего вагона. И мы желаем вам, девушка, столько горестей, столько болезней, столько неприятностей в вашей личной и общественно-производственной жизни, сколько...— тут оратор сделает многозначительную паузу,— сколько капель вина останется в наших стаканах после этого тоста!

И пассажиры, выпив все до капли, опрокинут стаканы: пусть Тамара убедится, что никакие горести, болезни и неприятности ей не угрожают. От полноты чувств она даже назовет пассажирам имя своего без пяти минут жениха, который в эти минуты думает только о ней...



4. Освящение традиций

Только о ней!

Сашу, как молния, пронизала мысль о Шурочке. Милая Шурочка! Как идет к тебе скромное домашнее платье! А новое? Воздушное! Голубое! Неужели Шурочка так и не надела его? Но ведь, по словам шурина, научно доказано, что на такой подвиг не способна женщина даже в звании Героя Советского Союза.

И воспаленное воображение стало рисовать невыносимые для Саши картины. Бал. Вальс. Шурочка в платье из синтетической ткани танцует с назойливым литературоведом. «Ах, милая Наташа Ростова,— шепчет литературовед,— если бы могли увидеть во мне Андрея Болконского...»

Саша застонал. Его лицо выражало душевные муки. Пассажиры тревожно переглянулись и сочувственно вздохнули; Саша этого не заметил.

Он не слышал, как поезд отошел от станции, не видел, как вошла в вагон новая пассажирка в кроличьей куртке и уселась у окна.

— Товарищ пассажир.— Проводница тронула его за плечо.— Через четыре минуты Новый год...

Саша сообразил, что материал для репортажа катастрофически ускользает. Тамара оставила официальный тон:

— Что с вами? Вы как вошли в вагон, нам даже совестно стало веселиться... Что у вас стряслось? Извините, может, вы с любимой девушкой поссорились? Или просто вам негде в Москве остановиться?

Худощавый капитан по-свойски подмигнул Саше, включил патефон. Розовощекая женщина протянула Саше огромную гусиную ножку. А черноусый экскаваторщик пододвинул к нему кружку с кахетинским.

— Поверьте, у меня все в порядке,— с отчаянной бодростью в голосе сказал Саша.— Давайте, друзья, лучше расспросим нашу юную проводницу, почему она так грустит...

Но пассажиры смотрели на Сашу так, что у него зачесались глаза. И от полноты чувств он выпалил:

— Я недостоин вашего сочувствия! Да, да! В Москве обо мне сейчас грустит необыкновенная девушка... Ради меня отказалась от семи приглашений! А я... я поддался чувству ревности!

Тут пассажиры, перебивая друг друга, стали доказывать Саше, что ревность иногда вполне допустима, что...

Но пассажирка в кроличьей куртке вдруг прервала их стопроцентно традиционным возгласом:

— С Новым годом, товарищи! С новым счастьем!

Все схватили стаканы. И только Саша застыл на несколько минут: не галлюцинация ли у него?

— Шурочка! Ты здесь? Как? Почему?

— Почему? — Большие глаза девушки стали еще больше.— Во-первых, я давно собиралась посмотреть музей на станции Лев Толстой, бывшей Астапово. В Ясной Поляне, ты знаешь, я дважды была, а здесь еще нет. А во-вторых, я вообразила, что со мной тебе легче будет выполнить редакционное задание. Правда?..



5. Рождение традиций

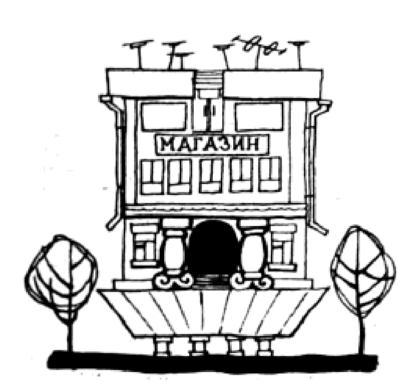
Репортаж Саша, конечно, написал. Редактор в целом одобрил рукопись, но отметил, в частности, некоторый перебор в сторону сентиментальности.

Шурочка, наоборот, установила некоторый недобор по линии чувств. Она сожалела, что фактический материал не позволил Саше закончить репортаж традиционным первым поцелуем. И, набирая Сашину рукопись на линотипе, она до того замечталась, что даже допустила несколько опечаток.



В переводах Н. ЛАБКОВСКОГО.

Фрашками называют в Польше стихотворные шутки, эпиграммы, каламбуры.



Тадеуш ПОЛЯНОВСКИЙ

Ошибки в архитектуре

Вольно ошибаться поэтам,
Вольно и архитекторам...
Но у этих, последних, ошибки
Труднее исправить корректорам.

Станислав ЕЖИ ЛЕЦ

К вопросу о такте

Вряд ли это признак такта —
Требовать от сплетни факта.



Ян ШТАУДИНГЕР

О болтунах

Мельница устанет.
Уста — нет.

Повышение

Долей в эпиграмму воду
И печатай ее, как оду.



Владислав МИЛЕВСКИЙ

Все о фрашке

— Снова фрашка! — взвыл редактор,
В гневе смяв бумажку.
— Это фрашка? — хмыкнул некто,
Прочитавши фрашку.
— Ну и фрашка,— буркнул критик,
Выругавшись сочно.
— Это ж фрашка! — всхлипнул автор,
Получив построчно.

Лех КОНОПИНСКИЙ

Третий нелишний

В любви (наследие столетий),
Всегда бывает лишний — третий.
Готовы мы смириться с этим,
Когда амур бывает третьим.





ТМО! ТМО! ТМО!

Сегодня мы открываем ТМО. Читатели, знакомые с выступлениями на страницах «Огонька» мастеров советской и зарубежной эстрады, наверное, догадались, что значат эти три буквы ТМО — Театр Миниатюр «Огонька». Он покажет в этом году ряд своих постановок.

Итак, выступает АРКАДИЙ РАЙКИН.

КТО КАК

Клеветник: — Начнем, пожалуй.

Лектор: — Прошу дать мне еще пять минут.

Авральщик: — Да не беги ты так быстро!

Писатель, оторвавшийся от жизни, Новому году: — 1217-й! 1602-й! 1711-й!

БЕЛАЯ ТУЧКА

Сказка

Ф. КРИВИН

В топке была жаркая работа, и Дым после смены решил немного проветриться. Он вышел из трубы, подумывая, чем бы таким заняться, но, не найдя ничего лучшего, решил просто подышать свежим воздухом. «Оно и приятно, — размышлял Дым,— и полезно. Врачи, во всяком случае, советуют...»

Дым уже начал было дышать — спокойно, размеренно, по всем правилам гигиены, но вдруг что-то сдавило ему дыхание. Даже посторонний наблюдатель сразу бы заметил, что с Дымом происходит неладное: он словно замер на месте и неотрывно смотрел в одну точку... Собственно говоря, это была не точка, а Тучка, маленькая белая Тучка на ясном небе.

Она была очень красива, эта Тучка, кудрявая и пушистая, в голубом небесном покрывале и ожерелье из солнечных лучей. Так что нечего удивляться, что Дым на нее загляделся.

Говорят, нет дыма без огня, и наш Дым вовсе не был исключением из общего правила. При виде Тучки он почувствовал в себе огонь и устремился к ней.

— А вот и я! — выпалил Дым с бухты-барахты, примчавшись к Тучке и глядя на нее во все глаза. — Хотите со мной познакомиться?

Тучка поморщилась.

— Вы что, пьяны? — спросила она. — Что вы ко мне пристаете?

Дым смутился.

— Я не пристаю, — пробормотал он. — И я совсем не пьян. Просто... хотел... познакомиться.

У Дыма был очень растерянный вид, и это немного успокоило Тучку.

— Поглядите на себя, на кого вы похожи, — сказала она. — Разве в таком виде представляются даме?

Дым послушно посмотрел на себя. Да, Тучка была права: грязный, растрепанный, весь в саже и копоти, Дым не производил благоприятного впечатления.

— Извините, — прошептал он.— Я только что со смены. У нас на заводе...

Вероятно, Дым сказал бы, что там было у них на заводе, но в этот момент появился Ветер. Если бы он просто появился! Нет, он сразу же бросился к Тучке, схватил ее довольно бесцеремонно и потащил за собой.

И тогда Дым начал таять. Он таял буквально на глазах, и если бы Тучка была повнимательней, она бы, конечно, это заметила.

Но она не была внимательной, эта белая Тучка. Она привыкла парить в облаках, и какое ей было дело до Дыма с его заводом, с его будничными заботами... Она бежала с Ветром и уже совсем забыла о Дыме.

А Дым все таял и таял. И вот уже он исчез, как дым, то есть как и всякий другой дым исчез бы на его месте.

И только теперь Тучка о нем пожалела. Только теперь она почувствовала, что свежесть Ветра — еще не все, что он слишком резок и вообще у него ветер в голове.

Дым был другим. Он был серьезней и мягче, он смущался, робел, он хотел что-то рассказать Тучке о своем заводе... Теперь Тучка никогда не узнает, что он хотел ей рассказать.

От одной этой мысли можно было расплакаться. И Тучка заплакала. Она плакала горько и тяжело, плакала до тех пор, пока всю себя не выплакала.

Выплакала себя Тучка. А Ветер помчался дальше. У Ветра ветер в голове, это давно известно.



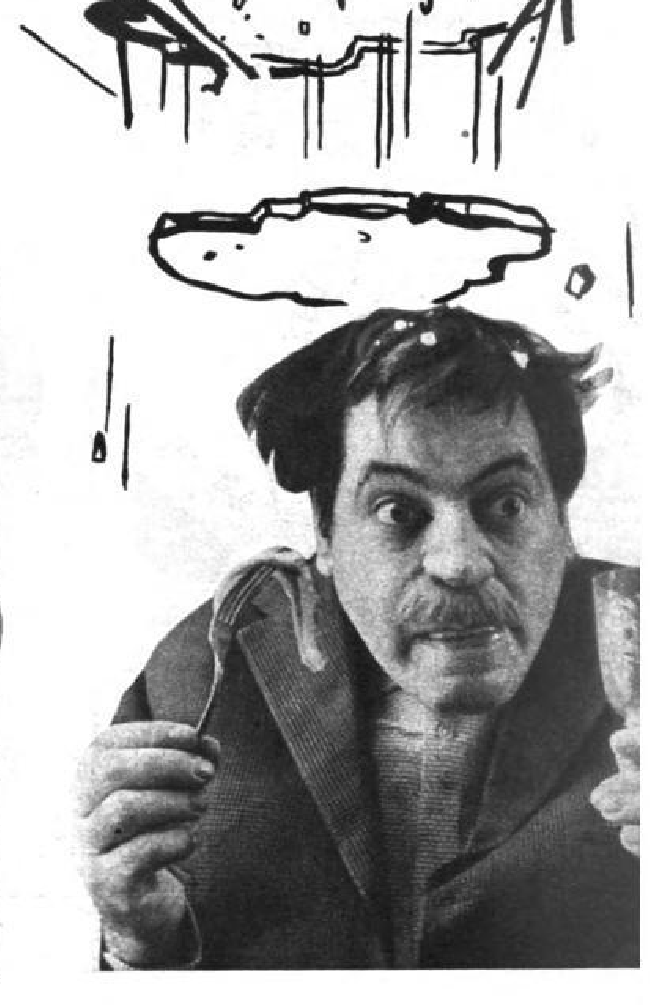


Руководитель Н-ского треста совхозов: — Угощайтесь! Салат собственного производства.

Перестраховщик: — Ты, в общем, самая огнеопасная...

В С Т Р Е Ч А Е Т...





«Соседи»: — Так вы, значит, не из нашего совнархоза!!

Прораб: — Поздравляю вас со сдачей данного объек-к-кта.

В постановке принимали участие Ю. Кривоносов и М. Ушац.

Почему мы так говорим

И. УРАЗОВ



Никотин

Эта марка выпущена Францией к четырехсотлетию смерти Жана Нико. А ему мы обязаны происхождением слова «никотин».

Табак стал известен в Европе после открытия Америки. Матросы Колумба, научившиеся от индейцев в Новом свете курению, привезли на родину не только листья, но и семена нового растения. Сохранилось даже имя первого в Европе курильщика — испанца Родриго де Хереца, матроса «Санта-Марии», судна Колумба, на котором он достиг Америки. Вернувшись на родину, Херец «вдруг стал выпускать изо рта и носа дым». На этом основании он был обвинен в том, что в него вселился черт, и его бросили в тюрьму.

В XVI веке табак уже рос в садах Испании.

В Париж вернулся французский посланник в Португалии Жан Нико. Он привез с собой во Францию семена табака, разводившегося в королевских садах в Лисабоне, и посеял их. Листья растения Нико преподнес как медицинское средство страдавшей головными болями королеве. Благодаря королеве оно стало модным. Весь Париж начал нюхать растертые в порошок листья чудодейственного растения Нико. Так случайно табак получил научное название «никоциана». Когда в 1826 году из табака был выделен алкалоид, он был назван никотином.

Тост

Часы медленно бьют двенадцать раз.

— С Новым годом, товарищи! — Это первый тост.

Как родилось слово «тост»? Когда-то в классической латыни был глагол «тостере» — «жарить, сушить». В поздней латыни родилось слово «теста» — так называли тонкие ломтики хлеба, поджаренные на открытом огне на палочках.

В английском языке много слов, пришедших из латыни. В XVI веке в Англии тосты подавались и к вину и к пуншу. Вскоре родился обычай в это вино опускать кусочек тоста. Вино с кусочком поджаренного тоста тоже стали называть тостом. Провозглашая здравицу, осушали бокал до дна, проглатывая и кусочек тоста. Тостом стали называть и лицо, за здоровье которого пили, а потом и здравица стала называться тостом.

В таком значении слово это перешло в другие языки, и в частности в русский.

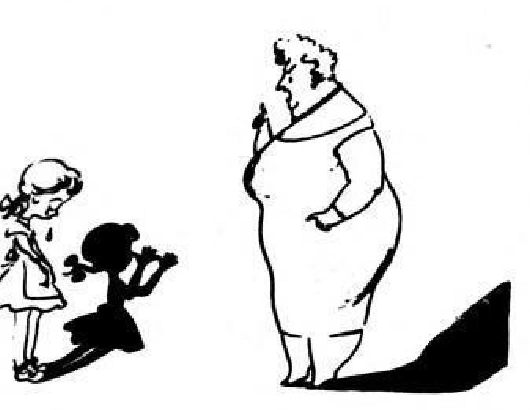
ЕСЛИ БЫ НАША ТЕНЬ НЕ УМЕЛА ЛГАТЬ

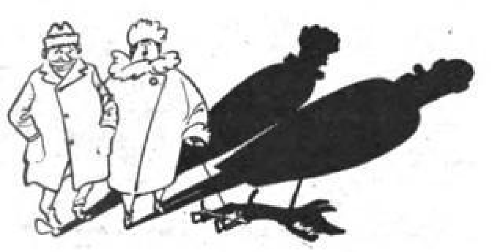
Рисунки Гр. Оганова.

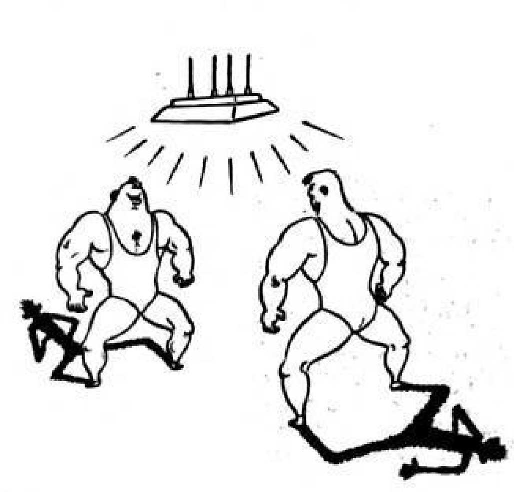




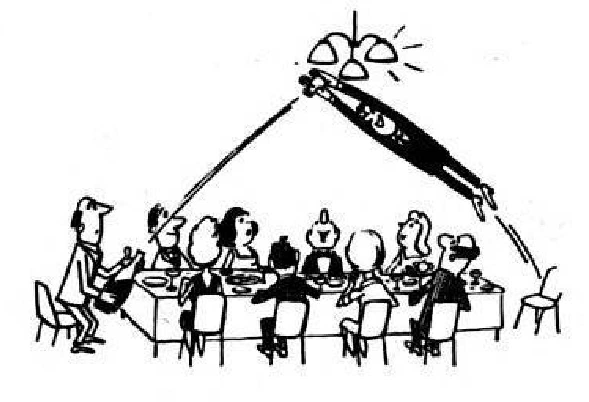












По привычке.
Рисунок Р. Овивяна.



НА КАРНАВАЛЕ. Самый модный костюм.

Рисунок Р. Овивяна.



— Ты приглашал меня. Я пришел, но не один.
Рисунок В. Сигачева.



Без слов.
Рисунок М. Вайсборда.



На далекой планете.
Рисунок В. Дрогалина.



БАЛ НА ТЕЛЕГРАФЕ.
— Девочки, еще одна поздравительная!
Рисунок М. Ушаца.



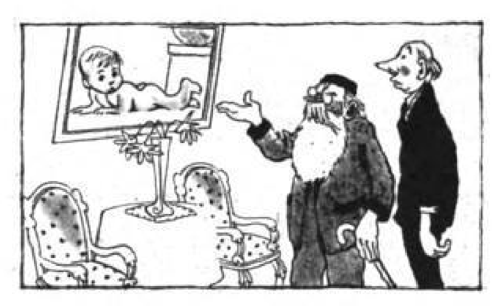
— Торопитесь, молодой человек, не то опоздаете...



— Я никогда не опаздываю!
Рисунок И. Массины.



— Я же не настоящий! Хотите, покажу паспорт?
Рисунок И. Массины.



— А это мой прадедушка.
Рисунок Л. Самойлова.

. . . . **Рисунок М. Каширина.**

Без пяти двенадцать в лифте.
— Который?
— 1962-й!
Рисунок В. Воеводина.

— Хоть для вида притронься к чаю. Кто знал, что хозяин не выносит алкоголя?
Рисунок В. Воеводина.



— Ума не приложу, где я вчера поставил свой «Москвич»?..
Рисунок Л. Самойлова.







Похищение «Джоконды»

В. ВЛАДИМИРОВ



Еще вчера «Джоконда» была украшением Лувра...

Прошлое лето было для картинных галерей Европы поистине «необыкновенным летом». В июле из музея современного искусства во французском курортном городке Сен-Тропез было похищено 57 картин французских художников XX века, на сумму около двух миллионов долларов.

Приблизительно в то же время в городке Экс-ан-Прованс, на родине Сезанна, открылась выставка его работ, а через несколько дней газеты, захлебываясь, вопили об очередной сенсации: с выставки похищены восемь картин, в том числе известное полотно «Игроки в карты».

Не успела померкнуть эта сенсация, как загремела следующая: в августе в Англии был украден ценнейший портрет герцога Веллингтона работы великого Гойи!

«Каким образом можно продать или использовать всемирно известные, уникальные вещи? — спросит читатель. — Ведь достаточно показать их любому заинтересованному человеку, чтобы немедленно выдать себя...»

Однако похитителей картин это не смущает. В информационное агентство Рейтер пришло письмо, в котором была названа сумма «выкупа» за украденное полотно Гойи — 140 тысяч фунтов стерлингов. Через несколько дней женский голос сообщил по телефону тому же агентству, что если с выкупом будут медлить, то «картина будет повреждена».

Журнал «Леттр франсез» сообщает, что в США существуют богачи-коллекционеры, которые не стесняются тайно покупать краденые картины; при этом они, конечно, платят подешевле.

Вся эта летняя волна краж картин пришлась на пятидесятилетний юбилей «классического» похищения, которое состоялось в 1911 году в парижском Лувре.

* * *

Ранним утром, во вторник, 22 августа 1911 года, Луи Беру, малоизвестный, но трудолюбивый художник, вошел в Лувр. Погода была прекрасная — Париж в августе великолепен. Но Беру спешил на работу. Он копировал картины итальянского Возрождения и сегодня решил взяться за «Джоконду» Леонардо да Винчи.

Вот «Квадратный салон», в котором висят полотна итальянцев. Вот «Аллегория» Тициана. Вот «Обручение святой Екатерины» Корреджо... Но прославленной на весь мир таинственной улыбающейся красавицы Леонардо нет...

— Позвольте, где «Джоконда», мсье Пупардэн? — обратился Беру к бригадиру хранителей музея.

Пупардэн поправил на носу пенсне и внимательно посмотрел на темный прямоугольник — «след» картины.

— Ее, наверно, взяли для фотографирования, — сказал он, — они поставят ее на место. Подождите немного, мсье Беру... — И Пупардэн направился к выходу из салона.

К Беру подошел гравер Лагаэрми.

— Очень интересно: бригадир не знает, куда делась картина Леонардо да Винчи, — сказал с усмешкой Лагаэрми.

Беру успокоительно помахал рукой.

— Вчера музей был закрыт.— сказал он,— а сегодня мсье Пупардэн только что приступил к работе. Фирма Браун по контракту имеет право брать картины для фотографирования. Надо полагать, «Джоконду» сняли еще вчера, в понедельник...

— Он должен знать! Картина стоит миллионы!

— Хорошо, подождем, — сказал Беру, — она ждала нас дольше.

— Ждала! И дождалась стекла!

Лагаэрми намекал на то, что в последнее время, после участившихся нападений сумасшедших с ножами на картины, самые знаменитые полотна были застеклены, в том числе и «Джоконда».

— Я думаю нарисовать дамочку, которая поправляет модную прическу перед своим отражением в стекле «Джоконды», — рассмеялся Беру.— Недурно для карикатуры, а? Любой журнал возьмет!

— Ладно, ладно, — хмуро отозвался гравер. — Вы завтракали? Нет? Пойдемте. Придем к открытию.

В час дня Лувр открыли для посетителей. Явились и Беру с Лагаэрми. Но «Джоконды» не было.

На этот раз мсье Пупардэн был очень взволнован. Он послал своего помощника в фотоателье. «Джоконды» и там не оказалось.

Тогда началось смятение. Посетителям было объявлено, что музей закрывается на весь день ввиду аварии водопровода. Явился префект полиции в сопровождении внушительного отряда инспекторов. Все выходы были закрыты. Стали обыскивать Лувр.

Тем, кто бывал в этом огромном старинном дворце французских королей, сразу станет понятно, что тщательно проверить помещение размером в 198 тысяч квадратных метров невозможно и за сутки. Но к концу дня полиция все же обнаружила на площадке маленькой служебной лестницы застекленный корпус и раму «Джоконды». Сама картина — прямоугольник размером 54×79 сантиметров — исчезла бесследно.

Дело взял в свои руки судебный следователь Дриу. Двое допрошенных каменщиков рассказали, что они работали в Лувре в понедельник и видели «Джоконду» утром на своем месте. Когда они шли завтракать, картины уже не было. Она исчезла между 7 и 9 часами утра, и никто не заинтересовался ею до утра вторника...

* * *

«Утрата «Джоконды» — это национальное бедствие, — писал французский журнал «Иллюстрасьон», — так как почти наверно тот, кто совершил похищение, не может извлечь из этого никакой выгоды; нужно опасаться, что он, потрясенный возбуждением, вызванным его преступлением, в страхе быть пойманным, может уничтожить хрупкое панно...

40 тысяч франков тому, кто принесет «Джоконду» в редакцию «Иллюстрасьон»!

20 тысяч франков тому, кто укажет, где можно найти картину!

45 тысяч франков тому, кто вернет картину до 1 сентября!»

1 сентября миновало, но картины не было. Редакция получила более 500 писем с советами и соображениями. Было опубликовано новое предложение. Редакция гарантирует «полную тайну» тому, кто принесет «Джоконду». Ему выдадут 45 тысяч франков наличными, не спрашивая его имени.

Но «он» не пришел.

Шелестящие банкноты, видимо, не оказывали никакого воздействия на похитителя. Журналисты предполагали, что похитил «Джоконду» какой-нибудь ловкий репортер с целью написать сенсационную статью, но в последний момент струсил. Они тщательно взывали к своему предполагаемому собрату и умоляли его раскаяться, взять деньги... но «ловкий репортер» не отвечал. Уж не сошел ли он с ума?

Следователь Дриу сделал доклад префекту полиции. Доклад не изобиловал сведениями.

— «Джоконда» определенно вынесена из Лувра! — объявил Дриу.

— В самом деле? — спросил префект. — А вы думали, что она спрятана в самом Лувре?

— Думал, господин префект, но это предположение отпадает...

— Нельзя ли узнать подробности, мсье Дриу?

Дриу развернул свои бумаги.

— Вор вошел в Лувр в воскресенье, 20 августа, около 5 часов дня, — читал Дриу, — и ночевал в музее, в малозаметном закоулке первого этажа. В половине восьмого утра он проник в «Квадратный салон». «Джоконда» висела на уровне глаз человека среднего роста, на четырех кованых крюках, из которых поддерживали ее только два. Не стоило большого труда поднять ее и легко отделить от стены...

— Минуточку, мсье Дриу! — сказал префект. — Вы считаете, что вор ночевал в музее?

— Несомненно, господин префект! В понедельник музей был закрыт, и его не допустили бы в помещение.

— Как же он вышел из Лувра в понедельник?

— Вор пересек «Квадратный салон», — ответил Дриу, — и достиг «Зала Семи Метров». Там он нашел замаскированную дверь, ведущую на маленькую лестницу, которая соединяет двор с чердаком Лувра. Он спустился на нижнюю площадку. С помощью перочинного ножа он отделил полоски серой бумаги, соединявшие раму с картиной. Он оставил на площадке и раму и стекло. Ему предстояло выйти во двор через нижнюю маленькую дверь. Но она была заперта. Вор начинает взламывать замок, но тут сверху доносятся шаги: по лестнице спускается водопроводчик Совэ. Увидев человека в белой блузе, какие носят хранители музея в часы уборки, Совэ решает, что это служащий музея.

«Откройте мне дверь», — коротко говорит ему человек в белой блузе.

И Совэ открывает дверь. На картину, видимо, он не обратил никакого внимания...

— Позвольте! — перебил префект. — Неужели он не заметил такую большую картину?

— Рассеянность, господин префект! Служащих в музее много... Разрешите продолжать? Таким образом вор выходит на свежий воздух, но он еще не на улице, а во дворе.

— Во «дворе Сфинкса»?

— Совершенно верно, господин префект. Он переходит в соседний «двор Висконти», откуда можно пройти на набережную. Судьба решительно на его стороне: в этот момент дверь на набережную широко раскрыта, в вестибюле моют пол, привратник в отпуске, а старший вахтер ушел за водой.

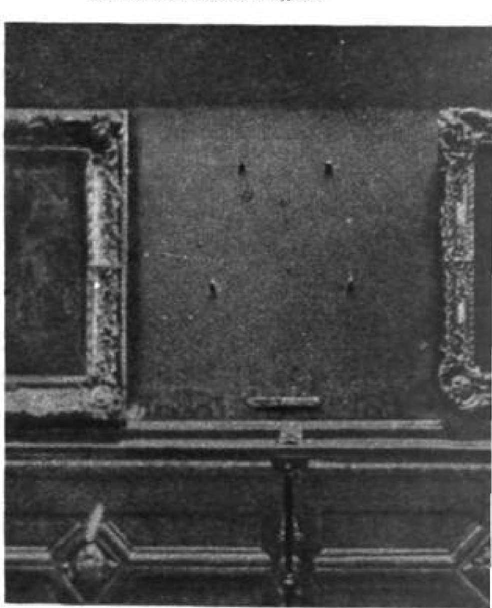
Служащий, спешивший на работу, показал, что он видел на набережной Лувра человека с прямоугольным свертком под мышкой. Белой блузы на нем не было. Очевидно, господин префект, он снял ее и унес с собой. Была найдена лишь медная шишечка от замка, которую вор успел снять, когда пытался взломать дверь. Это все, господин префект...

Таков был безрадостный доклад следователя Дриу. На стекле защитной рамы был обнаружен отпечаток большого пальца левой руки. 257 человек служащих музея, в том числе директора, подверглись обследованию, но ни один отпечаток не совпал с отпечатком на стекле.

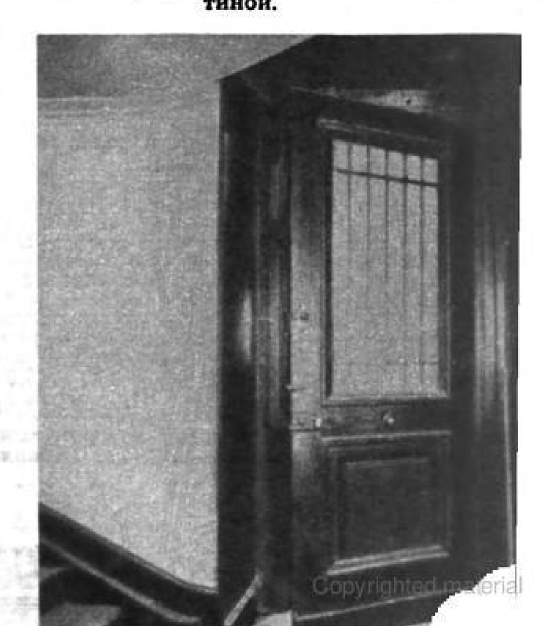
Месяц за месяцем шли обычной чередой. Высказывались самые фантастические предположения. Оптимисты считали, что картина похищена бессмысленно и ее скоро вернут. Пессимисты думали, что картина уничтожена маньяком.

В это время портрет прекрасной неаполитанки Монны Лизы Герардини, третьей жены флорентийского гражданина Франческо дель Джокондо, написанный Леонардо да Винчи в 1503 году, лежал спрятанный в куче хлама на третьем этаже большого парижского дома типа гостиницы, населенного итальянскими рабочими-сезонниками, носившего название «Сите дю Герон».

Окончание следует.



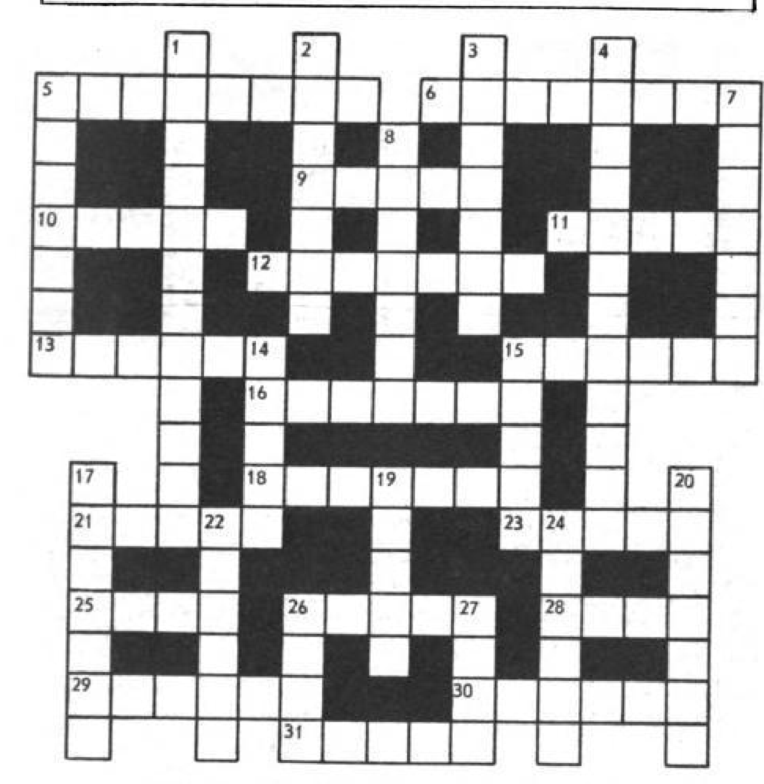
Через эту дверь вор вышел с картиной.



В следующем номере журнала начинаем печатать повесть

Евгения ВОРОБЬЕВА

«СКОЛЬКО ЛЕТ, СКОЛЬКО ЗИМ»



КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Герой новогоднего рассказа А. П. Чехова «Либерал». 6. Сатирический журнал. 9. Литовская поэтесса. 10. Сильный холод. 11. Персонаж «Евгения Онегина». 12. Землеройно-транспортная машина. 13. Картина И. И. Левитана. 15. Легкая хлопчатобумажная ткань. 16. Приток Вилюя. 18. Винтообразная линия. 21. Цилиндрический сосуд. 23. Эстрадная пьеса шутливого содержания. 25. Сорт конфет. 26. Физические упражнения. 28. Единица измерения освещенности. 29. Достаток, богатство. 30. Перелетная птица. 31. Народный поэт Узбекистана, автор комедии «Проделки Майсары».

По вертикали:

1. Новый вид связи. 2. Советский художник. 3. Украшение. 4. Праздничное приветствие. 5. Мороженое. 7. Однорядная гармонь. 8. Небольшое сольное вокальное произведение. 14. Старинный центр русской металлургии. 15. Танец. 17. Плод южного дерева. 19. Труба для усиления звука. 20. Чувство глубокого довольства и радости. 22. Студенистое кушанье. 24. Дальневосточная рыба. 26. Проявление веселья. 27. Мать жены.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 52

По горизонтали:

5. Турнепс 7. Секстет. 8. Поэт. 9. Удар. 10. Алеш. 12. Галера. 13. Афон. 14. Спицын. 15. Мелодекламация. 18. Мультипликатор. 22 Сатира. 24. Ошва. 25. Аносов. 26. Анис. 27. Цинк. 28. «Тучи». 29. Слесарь. 30. Яковлев.

По вертикали:

1. Плеяда. 2. Бекмес. 3. «Бурелом». 4. Венеция. 6. Справедливость. 7. Стандартизация. 9. «Урал». 11. Шпиц. 16. Ость. 17. «Анда». 18. Миткаль. 19. Лира. 20. Танк. 21. Расцвет. 23. Ангара. 25. Ангола.

Обложка художника Ю. Черепанова.
К этому номеру приложен табель-календарь на 1962 год.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

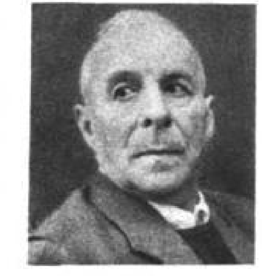
Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10630. Подписано к печати 27/XII 1961 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1 Заказ № 3240.

Ордена Ленина типография газеты «Правда».
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.



Н. Асанов



Н. Асеев



Д. Бальтерманц



О. Верейский



А. Глебов



Д. Горюнов



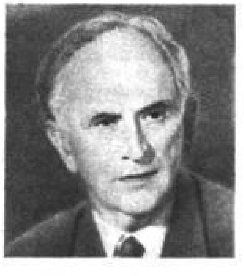
В. Горяев



И. Ирошникова



И. Котенко



В. Лидин



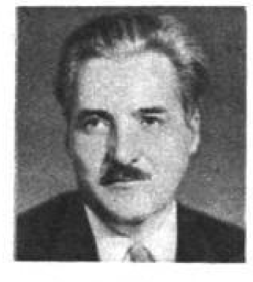
С. Маршак



А. Новиков



В. Очеретин



К. Симонов



С. Смирнов



В. Тарасевич



И. Вершинина



Н. Тарасенкова



И. Тункель



Ю. Яковлев

Премии журнала «Огонек» за 1961 год

Редакционная коллегия журнала «Огонек» отметила денежными премиями лучшие произведения, напечатанные в журнале в течение 1961 года. Н. АСАНОВ — за повесть «Не надо топтать цветы» (№№ 9—12). Н. АСЕЕВ—за стихотворения «Признания» (№ 1). Д. БАЛЬТЕРМАНЦ — за фоторепортаж из Голодной степи и Кара-Калпакии (№№ 39, 48). О. ВЕРЕЙСКИЙ — за серию рисунков «От побережья до побережья» (№ 15). А. ГЛЕБОВ — за рассказ «Запятая» (№ 43). Д. ГОРЮНОВ — за очерки «Здравствуй, Куба!» (№№ 13—15). В. ГОРЯЕВ — за иллюстрации к киноповести А. Миллера «Неприкаянные» (№№ 31—37). И. ИРОШНИКОВА—за очерк «Отречение» (№ 17). И. КОТЕНКО—за документальную повесть «Восемь неизвестных» (№№ 48—50). В. ЛИДИН — за рассказ «Весенний рассвет» (№ 24). С. МАРШАК — за «Новые переводы» (№№ 46, 48). А. НОВИКОВ — за фоторепортаж с Пленума ЦК КП Украины (№ 6). В. ОЧЕРЕТИН — за очерк «Путь вперед и ухабы» (№ 21). К. СИМОНОВ — за балладу «Наш политрук» (№ 44). С. СМИРНОВ—за цикл стихотворений «Матушка-Русь» (№ 35). В. ТАРАСЕВИЧ и И. ВЕРШИНИНА — за фотоочерк «12-я симфония» (№ 46). Н. ТАРАСЕНКОВА — за очерк «Пусть о них узнают все!» (№ 50). И. ТУНКЕЛЬ — за фотоочерк «Детям — большое искусство» (№ 9). Ю. ЯКОВЛЕВ — за рассказ «Мальчик с коньками» (№ 16).



Рисунок ХЕРЛУФА БИДСТРУПА.



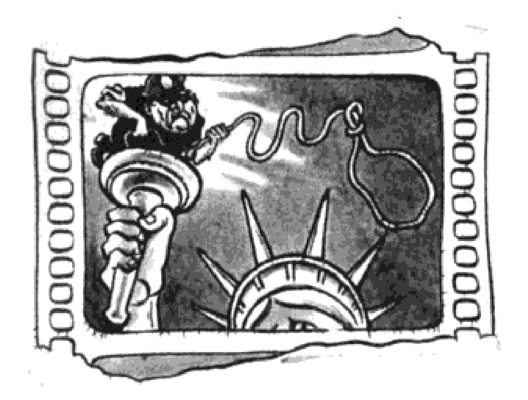


Кадры из кинореву

Николай ЭНТЕЛИС

Рисунки Гр. ОГАНОВА.

Мы повторим в новогоднюю пору:
Битвы за мир все сильнее накал,
И ожидает разбойничью свору
Не предусмотренный ею финал.



— Свобода ты, свобода,
Игрушка прежних дней,
Для нас ты год от года
Опасней и вредней.



— Позабудь, что я тебя
Исцарапала, любя,
И скорее припади,
Петушок, к моей груди!

— Хорошо с дружком скакать,
Взором огненным сверкать,
Благороднее лошадки не найти!
Не жалеем острых шпор
И летим во весь опор,
Даже если расшибемся мы в пути!



Твердит он, словно попугай:
— Я представляю весь Китай!
Но объяснит любой малыш,
Что представляет Чан Кай-шиш.





Цена номера 30 коп.

